РАССЛЕДОВАНИЕ
УБИЙСТВ

В. И. ШИКАНОВ, Н. Н. ТАРНАЕВ

ЗАПАХОВЫЕ МИКРОСЛЕДЫ

Иркутск-1974

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. ЖДАНОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. И. ШИКАНОВ, Н. Н. ТАРНАЕВ

ЗАПАХОВЫЕ МИКРОСЛЕДЫ:

криминалистическое значение, процессуальный статус, возможность исследования на идентичность

Иркутск — 1974

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. ЖДАНОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. И. ШИКАНОВ, Н. Н. ТАРНАЕВ

ЗАПАХОВЫЕ МИКРОСЛЕДЫ:

криминалистическое значение, процессуальный статус, возможность исследования на идентичность

Учебное пособие по спецкурсу
«Расследование убийств»

Дорогому Плехину
Сергеевичу Догелло
— с самыми добрыми
и искренними пожеланиями

Иркутск — 1974

25/IX-74 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Сдано в набор 22/V-74 г. Подписано к печати 20/VI-74 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Печ. л. 5,25. НЕ 01360. Тираж 1000. Заказ ВК-52.

Иркутская областная типография № 1 Областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11, ф. 2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже более десяти лет на страницах научных и научно-популярных изданий, а также периодической печати многих стран мира, мелькает звучное и все еще недостаточно привычное слово — «олфектроника» (наука об обонянии)[1]. Несколько позднее появился термин «одорология» (наука о запахах)[2]. Однако, несмотря на новизну и различия в терминологии, речь идет об одной и той же и далеко не «молодой» отрасли знания[3], получившей в силу ряда причин стремительное развитие именно в последние годы.

Достижения науки о запахах — она все в большей степени проявляет себя как наука комплексная, включающая серьезные научные исследования в области биологии, физики, химии, физиологии, бионики и других научных дисциплин и направлений — важны для многих отраслей народного хозяйства. Используются они в пищевой, химической, парфюмерной промышленности и в других отраслях техники, в медицинской диагностике, в военном деле и т. д. Криминалистика, служебная роль которой заключается в привнесении в дело борьбы с преступностью новейших достижений науки и техники, не составляет в этом отношении исключения. В соответствии с лучшими традициями своей науки ряд криминалистов и в нашей стране и за рубежом активно включились в разработку инструментальных методов количественного и качественного анализа пахучих веществ.

Разработка указанных методов и создание соответствующего инструментария значительно расширят возможности обнаружения и исследования различного рода материальных образований, в частности, запаховых микроследов, несущих

---

1 От латинского «olfactus» — запах.

2 От латинского «odor» — чувствую запах.

3 Еще двадцать столетий тому назад «механизм» восприятия запаха интересовал античных философов.

информацию о событии преступления. В перспективе, видимо, нельзя исключить и идентификацию лиц и предметов на основании результатов экспертного исследования запаха, изъятого на месте преступления.

На пути создания будущих основ одорографической экспертизы уже достигнуты некоторые обнадеживающие результаты. Но это лишь первые и, можно сказать, пока еще робкие шаги. В то же время стремление как можно быстрее использовать отдельные достижения в этой области на практике, «процессуализировать» их, привели к отдельным явно поспешным заявлениям о якобы состоявшемся пополнении криминалистической техники ее новым разделом — так называемой «судебной (криминалистической) одорологией». При этом для исследования запаховых следов рекомендовалось использовать «традиционный» обонятельный «аппарат-анализатор» — чутье собаки-ищейки. Это животное хорошо зарекомендовало себя как «инструмент» оперативно-розыскной деятельности. Однако по ряду причин собака явно непригодна для использования в процессуальном режиме уголовного судопроизводства. Несмотря на это, за важнейшее достижение «судебной одорологии» выдавались рекомендации проводить с помощью служебно-розыскных собак «выборку» предметов и людей по запаху и рассматривать результаты такого «исследования» в качестве судебного доказательства.

В предлагаемой читателю работе, авторы, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех вопросов, связанных с криминалистическим использованием запахов, считали своим долгом показать незаконный, вредный и опасный для судебной деятельности характер таких рекомендаций. Сделать это тем более необходимо, поскольку в последнее время со стороны отдельных ученых была предпринята неблаговидная попытка придать научной дискуссии по вопросам использования в уголовном судопроизводстве достижений одорологии характер административного спора. Как и следовало ожидать, эта попытка оказалась безуспешной. Тем не менее сам по себе этот факт настораживает. Ведь нельзя не знать, что переход к администрированию в науке знаменует последний день науки...

При подготовке настоящего издания авторы, конечно же, не сумели избежать ряда недостатков, поэтому все критические замечания ими будут приняты с благодарностью и учтены в последующей работе.

1. МИКРОСЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ. ЗАПАХОВЫЕ МИКРОСЛЕДЫ — ИСТОЧНИК ЛИЧНОСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Уголовный процесс и наука криминалистика испытывают существенное влияние научно-технического прогресса. Усилиями криминалистов — и ученых и практиков — происходит обновление и совершенствование научно-технических средств из арсенала криминалистической техники, разрабатываются и внедряются в практику новые приемы и методы выявления, фиксации и исследования материальных следов преступления и иных объектов, попавших в орбиту уголовного процесса. Все это значительно расширяет возможности следственных и судебных органов по изобличению лиц, совершивших преступление.

Результаты все более широкого внедрения в практику борьбы с преступностью современных достижений науки и, в частности, новейших инструментальных методов исследования веществ и материалов наглядно проявляют себя в использовании при расследовании уголовных дел различного рода микроследов.

Изучение соответствующих литературных источников, а также следственной, экспертной и судебной практики позволяет сделать вывод, что в настоящее время термин «микроследы» применяется не всегда однозначно и не во всех случаях в точном соответствии с этимологическим значением этого слова. Последнее обстоятельство не способствует разработке вопросов теории и практики использования микроследов в борьбе с преступностью.

Многообразие и неоднородность микроследов, с которыми сталкиваются в процессе своей практической деятельности работники органов следствия и суда, а также определенная условность этого термина — подробнее об этом мы остано-

вимся ниже — ставят перед криминалистами неотложную задачу определить объем понятия «микрослед» в криминалистике и классифицировать эти следы. Это позволит в каждом случае дифференцированно решать вопрос о доказательственном значении микроследов и определять режим использования их в процессе расследования преступлений.

Хорошо известны естественно-научные определения понятия «микрослед». Такие определения конструируются применительно к практическим задачам «своих» наук и обычно имеют ввиду различного рода примеси, содержащиеся в микроколичествах в тех или иных веществах, материалах или иных объектах (сплавы, растворы, различного рода химические соединения и т. д.). При этом, как правило, максимально точно указывается — в процентном отношении — количественный порог до которого соответствующие компоненты (примеси) следует учитывать в названном качестве[4]. Признак, бесспорно, существенный. Микроследы — это материальные образования, свойства которых не могут быть восприняты — по крайней мере в подавляющем большинстве случаев — исследователем непосредственно, а лишь с помощью тех или иных инструментальных методов. Признак этот необходим, но его недостаточно для определения понятия «микрослед», приемлемого в криминалистике.

Очевидно, определение понятия «микрослед» в криминалистике не сможет выполнить своего практического назначения, если не будет дополнительно содержать указания на причинную или иные виды связи (субстанциональную, объемную, связь преобразования) между соответствующими материальными образованиями, выступающими в микроколичествах, и событием преступления или иными обстоятельствами, подлежащими доказыванию в процессе расследования преступлений.

Чаще всего криминалисты называют микроследами различного рода следы-наложения. Если при этом имеют в виду следы-наложения, обнаруживаемые в микроколичествах (например, соматические клетки поврежденных тканей тела потерпевшего, оставшиеся на орудии травмы), то это правомер-

---

[4] См. Анализ следов элементов. Материалы симпозиума по анализу следов, проводившегося в Нью-Йорке Академией медицины в ноябре 1955 года. Редакторы Дж. Йо и Г. Кох. Изд-во иностранной литературы, М., 1961.

но и возражений не вызывает. Нередко, однако, к микроследам без достаточных к тому оснований относят текстильные волокна, сохранившиеся на орудии преступления, пыльцу цветов, попавшую на одежду насильника в момент, когда он совершал преступление, и другие подобные объекты, которые следователь мог и должен был обнаружить в процессе следственного осмотра без применения специальной аппаратуры и методов исследования. Здесь мы усматриваем по меньшей мере две ошибки: неосновательное смешение понятий «микроследы» и «макроследы», а также отождествление различных по содержанию терминов — «следы-наложения» и «микроследы».

Включать в понятие «микроследы» материальные образования, которые хотя и незначительны по своим размерам и объему (например, пыль, которая изъята из карманов одежды подозреваемого, содержимое из-под ногтей его рук и т. д.), но могут быть непосредственно обнаружены следователем, нет никаких оснований. Это — макроследы (встречающийся в литературе термин «мелкие вещественные доказательства» нам представляется менее удачным).

На макроследы полностью распространяется процессуальный режим вещественных доказательств. Соответственно в процессе следственного осмотра может и должна отчетливо проявить себя каждая из трех взаимосвязанных «традиционных» стадий этого следственного действия. Они, как известно, последовательно направлены на установление функциональных особенностей объекта, особенностей, индивидуализирующих его, и особенностей, свидетельствующих о связи объекта с расследуемым событием.

Необосновано и отождествление понятий «следы-наложения» и «микроследы». С учетом конкретных обстоятельств каждого случая, те или иные микроследы, разумеется, могут проявить себя одновременно и в качестве следов-наложения. Однако далеко не каждый след-наложения является микроследом. Это разноплановые понятия. Термин «след-наложения» призван показать механизм происхождения данного материального образования. Упоминание о микроследе прежде всего подчеркивает, что мы имеем дело с мизерными количествами тех или иных веществ, т. е. с их микроколичествами или даже отдельными микроэлементами (например, изотопами, использованными в качестве «меты», чтобы индивидуализировать определенную партию дорогостоящей продукции, выступающей как суммативное целое). Соответст-

венно микроследы по вполне понятным причинам не могут быть непосредственно восприняты следователем, понятыми и иными участниками процесса. Для этого требуются специальные технические средства и методы исследования.

Поскольку следователь в силу объективных свойств микроследов лишен возможности отразить в процессуальном документе их признаки, существенные в уголовно-процессуальном и криминалистическом отношениях, в качестве вещественных доказательств выступают не сами микроследы, а предметы-носители этих микроследов (например, орудие преступления с микроследами-наложениями).

Доказательственное значение микроследов в уголовном процессе всецело обусловливается результатами соответствующих экспертных исследований.

Возможно при определенных условиях изъятие микроследов и без предметов их носителей (например, «консервирование» летучих метаболитов — «молекул запаха» — о чем подробнее пойдет речь в соответствующих разделах нашей работы).

Экспертное исследование микроследов может быть связано с использованием аппаратуры, автоматически выдающей характеристику этих объектов в виде графиков или иным образом преобразованном виде (хроматограмма, спектрограмма и др.). Такие автоматически полученные результаты экспертного исследования мы рассматриваем в качестве производных вещественных доказательств.

Ошибочно, на наш взгляд, включать в понятие «микроследы» материальные образования, которые хотя и не воспринимаются до определенного момента непосредственно невооруженным глазом, латентны, однако, после применения специального инструментария и технических приемов наглядно проявляют в своей совокупности признаки следообразовавших объектов и позволяют ставить вопрос об идентификации последних традиционными методами трасологии (латентные следы пальцев рук, позволяющие идентифицировать субъекта, оставившего их; следы метализации на теле или одежде потерпевшего, оставшиеся в результате воздействия орудия травмы и повторившие конфигурацию его ударной поверхности и т. д.).

Термин «латентные следы» — он давно известен в криминалистике — для указанных и подобных им случаев достаточно точен и удобен. Конечно, следует иметь в виду определенную условность принятой терминологии, помнить о воз-

можной «подвижности» понятий в зависимости от конкретных задач, стоящих перед исследователем. Если, например, латентный след пальца руки человека используется для экспертного исследования самой субстанции отпечатка для определения группы и типа крови субъекта, оставившего этот след (это возможно и тогда, когда для трасологического исследования след не пригоден), есть все основания говорить о исследовании микроследа или макроследа (в зависимости от конкретных обстоятельств).

Прежде чем дать определение понятия «микрослед», приемлемого в криминалистике, сформулируем наиболее характерные отличительные признаки, которые необходимо отразить в таком определении, чтобы оно оказалось полезным для практического применения[5]. По нашему мнению следует отметить следующее:

— микроследы — это прежде всего определенные материальные образования;

— эти материальные образования находятся в причинно-следственной или иного вида связи с обстоятельствами расследуемого дела;

— указанное объективное свойство микроследов позволяет использовать их в качестве средства для обнаружения преступления, преступника и иных фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию;

— в силу особенностей своего агрегатного состояния, структуры или малого количества (объема) своей материальной субстанции, непосредственное восприятие микроследов затруднено или чаще всего невозможно;

— обнаружение (выявление) микроследов, как правило, доступно лишь в результате применения специальной аппаратуры и методов исследования;

— доказательственное значение микроследов в уголовном судопроизводстве всецело обусловливается результатами соответствующих экспертных исследований.

---

[5] «Определения не имеют значения для науки, — писал Ф. Энгельс, — потому, что они всегда оказываются неудовлетворительными. Единственно реальным определением оказывается развитие самой сути дела, и оно уже не есть определение... Но для **практического применения** краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо, и оно не может вредить, если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том XIV, стр. 362.

Приведенные отличительные особенности микроследа, имеющие практическое значение в уголовном судопроизводстве, позволяют дать определение понятия «микрослед» в криминалистике.

Микроследы — это материальные образования, которые в силу особенностей своей структуры, агрегатного состояния и мизерного количества можно выявить и использовать в качестве средства для обнаружения преступления, преступника или иных фактических обстоятельств расследуемого дела лишь с применением технических средств и специальных экспертных методик исследования.

Большое практическое значение имеет классификация видов микроследов. Она еще ожидает своей разработки. Сведение всего многообразия микроследов в определенные группы должно в первую очередь учитывать практические задачи, стоящие перед прокурорско-следственными и судебными органами, с тем чтобы сделать работу этих органов еще более эффективной.

Практически значимыми, видимо, окажутся классификации микроследов, учитывающие в качестве своего основания следующие обстоятельства:

— механизм образования микроследов;

— характер происхождения микроследов (органического или неорганического);

— имеют ли микроследы свой предмет-носитель или агрегатное состояние допускает их «самостоятельное» существование;

— выступают ли они только как суммативное целое или каждый отдельно взятый их объем (или соответствующий объем их объекта-носителя) имеет самостоятельное криминалистическое значение, поскольку сохраняет специфические признаки целого;

— «генерирует» ли микроследы их живой биологический источник или они созданы искусственно с использованием технических средств;

— если микроследы созданы искусственно, техническим путем, то являются ли они необходимым компонентом соответствующих объектов (веществ, материалов, предметов) или их наличие обусловлено иными причинами;

— если наличие микроследов результат сознательного изменения структуры объекта, то связаны ли они с задачей индивидуализировать этот объект или с иными обстоятельствами.

Одной из разновидностей микроследов являются так называемые «запаховые следы», «следы запаха». Запаховые следы не являются следами-отображениями. Не могут они рассматриваться и в качестве фиксированного проявления тех или иных навыков, носящих характер динамического стереотипа. Информационная сущность «запахового следа», специфика его пространственной структуры и, прежде всего, неопределенность, «расплывчатость» и подвижность границ «ароматического облака» не позволяют характеризовать запах с позиций традиционных понятий о следе, принятых в криминалистике[6]. В то же время запаховые следы, бесспорно, отражают вполне определенные — и в криминалистическом отношении существенные — процессы, явления, действия...[7].

Запаховым микроследам — и прежде всего запаховым следам тела человека — криминалисты уделяют все более пристальное внимание. И это не без оснований. Достаточно сказать, что запаховые следы тела человека — результат действия единственного в своем роде источника личностной информации, «работающего» непрерывно и проявляющего себя при любых условиях независимо от воли и желания субъекта «генерирующего» запах. Научиться извлекать одорологическую информацию и использовать ее для решения задач уголовного судопроизводства — задача столь же заманчивая, как и трудная.

---

[6] См.: Д. А. Турчин. Некоторые проблемы трасологии. В кн. Проблемы советского государства и права. № 3, Иркутск, 1972.

[7] В криминалистической литературе применительно к такого рода следам говорят: «следы в широком смысле слова», «остаточные явления»... См.: И. Ф. Крылов. Следы на месте преступления, Л., 1961.

2. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРИРОДЕ ЗАПАХА И ОБОНЯНИИ

Биология определяет запах как свойство испаряющихся на воздухе веществ вызывать у живых организмов (человека, животных, насекомых и др.) специфические раздражения нервных окончаний органов обоняния.

В обыденной жизни, говоря о запахе, мы также обычно имеем в виду — хотя и не всегда осознаем это — реакцию рецепторов обоняния и соответствующих центров головного мозга, связанных с восприятием и оценкой свойств того или иного вещества. В таких случаях чрезвычайно велик субъективный момент — хорошо известно, что не только разные люди по разному воспринимают и оценивают один и тот же запах, но и один и тот же человек, в зависимости от самых разнообразных факторов и условий (состояние здоровья, внушаемость, адаптация и др.), может дать запаху различную оценку[8].

---

[8] Вот удивительный на первый взгляд факт. Специалисты в области органической химии, описывая в своих трудах свойства одного и того же химического соединения, дают его запаху совершенно различные характеристики.

Для ряда людей некоторые вещества вообще «не имеют запаха». Например, синильная кислота, запах которой большинством при обонянии отождествляется с запахом горького миндаля, некоторыми людьми воспринимается как вещество «без запаха» и т. д. (См. Р. Х. Райт. Наука о запахах. Перевод с английского, Изд-во «Мир», М., 1966, стр. 123).

В сфере уголовного процесса оценочные суждения, суждения, основанные лишь на субъективном восприятии явлений материального мира, требуют к себе особенно критического отношения. Их значение, «удельный вес» при осуществлении органами следствия и суда задач уголовного судопроизводства все более снижаются. Было, например, время, когда судебные медики считали возможным констатировать факт употребления потерпевшим «незадолго до смерти» спиртных напитков лишь

Но говоря о запахе можно иметь в виду непосредственно свойство вещества, воспринимаемого обонянием. Не исключено, что тем же термином будет обозначена не реакция рецепторов обоняния на мельчайшие частицы газообразного вещества, вызывающие ощущение запаха, и не само это ощущение, а сами пахучие микрочастицы, находящиеся в газообразном состоянии. В таком случае правомерно говорить о «свойствах запаха», о «следах запаха» и т. д.

Запах — сложное физическое и физиологическое явление. Это предопределяет определенную условность употребляемой в настоящее время терминологии. Она может иметь различный смысл в зависимости от того, на каком из взаимосвязанных аспектов сосредоточено наше внимание.

Итак, каковы физические свойства запаха, каков механизм воздействия пахучих веществ на органы обоняния человека и животных? Остановимся прежде всего на некоторых физических свойствах пахучих веществ, которые по мнению специалистов, видимо, и определяют механизм восприятия и различения запахов[9].

Летучесть. Для того, чтобы вещество могло воздействовать на органы обоняния, оно хотя бы в минимальной степени должно обладать способностью испаряться, т. е. иметь определенную летучесть. Тело человека, например, постоянно испаряет в окружающую среду секреторные выделения организма. Важнейшими химическими компонентами ароматической основы запаха человека составляют пото-жировые выделения и в первую очередь жирные (алифатические) кислоты и главным образом масляная кислота. Летучесть — одно из основных качеств пахучих веществ, определяющих возможность восприятия их по запаху.

Растворимость. Поскольку обонятельный эпителий органов обоняния человека и животных всегда влажен и обонятельные клетки имеют оболочку, содержащую липоиды, интенсивность запаха находится в прямой зависимости от спо-

---

на основании чисто субъективного восприятия запаха алкоголя, исходившего от внутренних органов трупа при его вскрытии. С такой практикой, чреватой серьезными ошибками, давно покончено. Точные химические методы исследования позволяют определять наличие алкоголя и его процентное содержание в организме и на этой основе давать заключение о времени и количестве принятых субъектом спиртных напитков.

[9] См. подробно: Р. М. Мазитова, В. Н. Охотская, Б. И. Пучкин. Обоняние и его моделирование. Изд-во «Наука», Новосибирск, 1965.

собности пахучих веществ растворяться в них. Этот вывод подтвержден экспериментально.

Адсорбция — поглощение пахучих веществ из газообразной среды поверхностным слоем другого вещества. Благодаря явлению адсорбции происходит повышение концентрации пахучих веществ в обонятельном эпителии, становится возможным восприятие запаха в условиях, когда пахучие вещества находятся в воздухе в ничтожно малых количествах. Молекулы пахучих веществ могут адсорбироваться непосредственно на чистой поверхности твердых тел или через слой конденсированной влаги.

Разбавление. Качественные параметры запаха зависят от степени разбавления и чистоты пахучих веществ. При этом запах, будучи разбавленным, может оказаться сильнее концентрированного. В зависимости от степени разбавления запах может существенно менять свои свойства и соответственно восприниматься животным или насекомым то в качестве привлекающего запаха, то отпугивающего или нейтрального.

Смешиваемость. Качество пахучих веществ может также существенно меняться, находясь в смеси друг с другом. При этом один запах может ослабить, «замаскировать» другой. В смеси запахи могут нейтрализовать друг друга. В отдельных случаях в смеси запах усиливается настолько, что отдельные компоненты смеси, взятые в концентрации значительно ниже порога индивидуального восприятия животного (например, собаки), тем не менее им улавливаются. Таким образом, характер сложного запаха может меняться в присутствии даже подпороговых количеств примесей или следов других компонентов. Для рассматриваемой нами проблемы последнее обстоятельство имеет особенное значение.

Обладают пахучие вещества и свойством **диффузии.** Обувь человека, например, будучи некоторое время в употреблении, «пропитывается» его пото-жировыми выделениями, ароматические вещества, образующие его запах, проникают сквозь толщу подошвы, отделяются от нее и адсорбируются на окружающих предметах, в частности, на почве, асфальте, деревянных настилах и т. д.[10]. Образовавшиеся таким обра-

[10] Предпринята попытка определить время существования следов запаха расчетным путем (на математической основе). См.: Г. А. Самойлов. Следы запаха: закономерности возникновения и их информационно-криминалистическое значение. В кн. Вопросы судебной экспертизы, № 12, Баку, 1971. Решение этой задачи имело бы большое значение, в частности

зом следы запаха могут быть восприняты обонянием собаки и она, следуя по «запаховой дорожке» как по невидимой нити, может выследить человека, оставившего их.

Летучесть, растворимость и другие свойства запаха не только способствуют образованию следов запаха, но и определяют их недолговечность — под влиянием указанных и многих других факторов запаховый след рассеивается и постепенно перестает существовать.

В настоящее время не создано еще теории обоняния, которая могла бы претендовать на полную обоснованность, однако, нет недостатка в различного рода гипотезах.

Шотландский ученый Манкриф (1949) и его сторонники — авторы так называемой **пространственной (стереохимической)** теории, считают, что запах вещества зависит от формы его молекул и от того, насколько точно они вписываются в соответствующие «лунки» или «гнезда» на поверхности обонятельного эпителия[11]. Согласно этой гипотезе прежде всего важно механическое взаимодействие молекул пахучих веществ с рецепторными клетками. Молекула соответствующей конфигурации входит в углубление рецептора примерно так же, как штепсельная вилка в розетку. Допускается также, что некоторые молекулы могут входить в две разные «розетки» — одной стороной в более широкий рецептор, а другой в более узкий. В таком случае возникает ощущение «сложного» запаха. Поскольку число четко различных по форме лунок, естественно, ограничено, возникает вопрос, каковы «первичные» запахи и сколько их?

Эймур (1952), проведя обширные исследования, пришел к выводу, что первичные запахи, смеси которых в определенных пропорциях могут дать любой из известных запахов, суть следующие: камфорный, мускусный, цветочный, мятный, острый и гнилостный. Молекулы веществ с разными первичными запахами отличаются друг от друга по форме. Мускусный запах свойственен молекулам в форме диска. Молекулы с камфорным запахом имеют форму шара и т. д.

способствовало бы установлению одного из важнейших обстоятельств расследуемых преступлений — времени, когда они совершены. Однако практическое осуществление этой задачи очень затруднено, поскольку приходится учитывать многочисленные факторы, влияющие на сохранность запахового следа, а некоторые из них на достигнутом уровне развития науки и техники неуловимо подвижны, изменчивы.

[11] Впервые такую догадку высказал античный поэт и философ Лукреций Кар.

Ученый экспериментально с большим эффектом подтвердил свою гипотезу. Он «спроектировал» молекулу определенной формы и предсказал, как будет пахнуть вещество, состоящее из этих молекул. Химики синтезировали этот продукт, а опытные дегустаторы подтвердили, что его запах точно соответствует прогнозу.

Стереохимическая (пространственная) теория, как впрочем и другие теории обоняния — а их в настоящее время насчитывается свыше 30 — не дает ответы на многие вопросы, возникающие у ученых, и противоречит некоторым теоретическим положениям и опытным данным. Выяснилось, в частности, что острый и гнилостный запахи вызываются не различиями в конфигурации молекул, а характером электрического заряда, присущим этим молекулам. В последние годы Хайнер и его сотрудники, используя достижения теории информации, рассчитали, что количество запахов, которые может воспринять человек, равно 2^{14}. Теория Эймура находится в противоречии с этим положением — для восприятия столь большого количества запахов обонятельный орган должен обладать «пропускной» способностью по крайней мере для 14 основных запахов.

Бек и Майлс (1949) выдвинули **волновую** теорию, согласно которой клетки обонятельных анализаторов животных постоянно генерируют в окружающее пространство волны, длина которых находится в диапазоне волн инфракрасного излучения. По мнению Бека и Майлса, эти волны по-разному поглощаются различными веществами, и это ведет к различной степени охлаждения обонятельного эпителия, ощущаемого животными как различие в запахах этих веществ.

Несколько ранее пользовалась популярностью **вибрационная** теория Дайсона (1938). По мнению этого автора, поток волн (квантов) в инфракрасной области спектра излучают колеблющиеся (вибрирующие) молекулы пахучих веществ. Обонятельные рецепторы воспринимают их, преобразуют, и животные чувствуют запах[12]. Эксперименты с пчелами, поставленные Джонстоном (1953) и Томпсоном (1957), казалось бы, опровергли волновую и вибрационную (квантовую) теории. Однако Райт (1964) привел дополнительные аргументы в поддержку вибрационной теории, и ее сторонники

[12] Предположение о том, что запах зависит от спектра колебаний атомов молекул пахучего вещества принадлежит выдающемуся русскому ученому М. В. Ломоносову.

уверены, что дальнейшее развитие науки позволит подтвердить ее правильность.

Все более глубокая разработка проблемы приводит к появлению новых идей. Одна из них принадлежит Манкрифу (1954, 1955). Суть ее в следующем: нельзя ли объяснить механизм восприятия запаха процессом адсорбции, связанным с выделением тепла, которое и выступает причиной возбуждения обонятельных рецепторов. **Адсорбционная** теория имеет существенные достоинства. Она объясняет важнейшие свойства обоняния: а) большую чувствительность обонятельного анализатора животных (адсорбция является процессом концентрации: в результате относительно малое количество пахучих молекул в потоке воздуха может быть селективно собрано обонятельным эпителием); б) мгновенное ощущение запаха при введении пахучего вещества и его быстрое исчезновение с устранением этого раздражителя (адсорбция является процессом динамическим).

Приведенный, далеко не полный и краткий обзор теорий запаха, показывает, что ни одна из них не дает полного представления о природе запаха и биофизических процессах, связанных с обонянием—процессом, проблема познания которого по праву считается «одной из наиболее сложных в физиологии» (И. П. Павлов).

Дальнейшее изучение проблемы обоняния немыслимо без постановки различного рода новых экспериментов и обобщения уже накопленного опыта практического использования возможностей обонятельного аппарата живых организмов. Для криминалистов в этом отношении особенно значимы исследования, связанные с оценкой возможностей обонятельного анализатора собаки при выслеживании и узнавании ею лиц и различного рода объектов по запаху. Важны и для исследователей практические достижения криминалистов в использовании этих животных в борьбе с преступностью. Практика и теория и в этом случае взаимно обогатят — и уже обогащают — друг друга. «Во многих странах собаки помогают полиции расследовать преступления и задерживать преступников. Если мы поймем, каким образом, они делают такие чудеса — пишет Р. Х. Райт — мы сможем лучше использовать их и избежим возможных трагических ошибок»[13].

[13] Р. Х. Райт. Наука о запахах, М., 1966, стр. 106.

3. О ФИЗИЧЕСКОМ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ ВЫСЛЕЖИВАНИЯ И УЗНАВАНИИ ПО ЗАПАХУ С ПОМОЩЬЮ СОБАКИ-ИЩЕЙКИ

Физическая и физиологическая стороны процесса выслеживания и узнавания собакой по запаху лиц и иных объектов интересовали многих ученых. При этом большинство из них не связывали свои исследования и выводы с задачами, решаемыми криминалистами. Собака интересовала их лишь как животное, наиболее одаренное обонятельной способностью, но не как «инструмент», с помощью которого решаются специфические задачи уголовного судопроизводства. Это обстоятельство необходимо учитывать и критически относиться к некоторым формулировкам, встречающимся в научных статьях ученых-физиологов, химиков, и других специалистов. На это справедливо обратил внимание Р. Х. Райт, отметивший, что применительно к запахам (и соответственно к объектам, которым эти запахи присущи) следует всегда помнить, что «подобный» или «сходный», совершенно не обязательно означает «идентичный»[14].

Чрезвычайно важный, можно уверенно сказать — мето-
дологический характер, для названной проблемы имеет ос-
нованное на громадном экспериментальном материале по-
ложение, сформулированное Ф. Энгельсом: «Собака обла-
дает значительно более тонким обонянием, чем человек, но
она не различает и сотой доли тех запахов, которые для че-
ловека являются определенными признаками различных
вещей»[15]. И хотя в «Диалектике природы» это было сказано
не в связи с вопросом о применении собак-ищеек при рассле-

---

[14] См.: Р. Х. Райт. Наука о запахах, М., 1966, стр. 141.
[15] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Политиздат, М., 1969, стр. 148.

довании преступлений — классик марксизма привел их как иллюстрацию к своей мысли о том, что труд и членораздельная речь явились двумя главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, далеко превосходящий мозг животных, и этот процесс сопровождался дальнейшим развитием и усовершенствованием органов чувств в их совокупности — к нашей проблеме эти слова имеют самое непосредственное отношение.

Тысячелетняя жизнь собаки рядом с человеком приучила ее к словесным командам. «Собака и лошадь — указывает Ф. Энгельс — развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык». Это, разумеется, не дает оснований «очеловечивать» поведение собак (и других высших животных, в частности, дельфинов и обезьян). Известно, что многие осмысленные на первый взгляд поступки животных — собак в том числе — не результат умственной работы, а проявление врожденного инстинкта. Так, у многих пород овчарок и оленегонных лаек издавна закреплен пастушеский инстинкт. У охотничьих легавых собак есть чувство анонса — тихое отступление от дичи, чтобы привлечь к ней внимание хозяина и т. д.

Для собаки, не обладающей, как и все другие животные, второй сигнальной системой, слова не содержат в себе понятия отвлеченного образа, а являются однозначным сигналом условно-рефлекторной связи. Качественное отличие человеческого мышления, физиологически выросшего на образном «мышлении» животных, характеризуется прежде всего абстракностью, позволяющей мысленно строить самые широкие причинно-следственные отношения, раскрывать сущность явлений, определять к ним свое отношение. Однако, и в условно-рефлекторной деятельности животных намечаются зачатки абстракции и при оценке их поведенческих реакций это обстоятельство нельзя игнорировать. Типичный пример. Хозяин, которого долго не видела очень привязанная к нему собака, пришел домой и сел за обеденный стол. Собака ластится к нему, но хозяин командой «место» отсылает ее на кухню. Собака отождествляет команду «место» с матрасом, на котором она обычно лежит. После нескольких безуспешных попыток остаться в комнате, собака, услышав очередной приказ «место», идет на кухню, берет в зу-

бы свой матрас, притягивает его к обеденному столу, где и укладывается около ног своего хозяина[16].

Физическую сторону выслеживания и узнавания наиболее тщательно изучил Нейхауз (1953, 1955, 1956, 1957). Ему удалось сконструировать прибор, с помощью которого исследователь может по своему усмотрению добавлять в поток воздуха, попадающего затем в нос животного, чрезвычайно малые и точно контролируемые количества того или иного пахучего вещества. Условия эксперимента исключали всякие сомнения относительно истинной концентрации запаха в потоке воздуха, а факт положительной реакции собаки на запах легко фиксировался, так как собаку приучили связывать его наличие с поощрением в виде лакомства.

С помощью своего прибора Нейхауз показал, что значение пороговых концентраций ряда пахучих веществ для собаки незначительно отличается от соответствующих концентраций тех же самых веществ для людей. В то же время выяснилось, что есть вещества, у которых эти значения гораздо ниже. Исследователь установил, что пороговые концентрации масляной и других алифатических кислот (т. е. именно тех химических соединений, которые составляют ароматическую основу запаха человека) для собак в миллион раз ниже, чем для людей. Дальнейшие рассуждения Нейхауза сводились к следующему.

Известно несколько источников кожных выделений: потовые железы, «пахучие железы», жировые железы и др. На подошвах ног человека имеются только потовые железы, но их много — до 1000 на каждый квадратный сантиметр. За сутки тело человека выделяет до 800 куб. см пота. Если считать, что подошвы ног выделяют лишь 4% этого количества (на подошвах ног человека до 4-х миллионов потовых желез), то на «долю» каждой подошвы приходится до 16 куб. см пота ежедневно. Пот человека содержит примерно 0,156% кислот, около четверти этого количества составляют алифатические кислоты. Если предположить, что только одна тысячная часть этих выделений проникает через подметку и швы ботинка наружу, то по крайней мере $2{,}5 \times 10^{11}$ молекул алифатических кислот будет оставаться на поверхности каждого отпечатка ноги. Это более чем в миллион раз превышает пороговое значение для обоняния собаки и создает

[16] См.: И. Адабашев. Мировые загадки сегодня. Изд-во политической литературы, М., 1969, стр. 299—300.

ощутимый ею запах, даже в том случае, если указанное количество молекул распределится в 28 куб. м воздуха. Это и предопределяет возможность при благоприятных условиях успешно применить собаку-ищейку по следу, имеющему даже суточную давность.

В последующем Нейхауз несколько видоизменил свой прибор, приспособив его к экспериментам со смесью запахов. Результаты этих опытов оказались неожиданными. Выяснилось, что для смеси пахучих веществ масляной и капроновой кислот порог ощущения значительно ниже пороговых концентраций каждого из этих веществ в отдельности. Ученый сделал вывод, что названные вещества имеют что-то общее, помогающее им взаимно усиливать друг друга. Для смеси совершенно несхожих веществ (масляная кислота и ионон) порог приблизительно соответствовал пороговым концентрациям каждого из этих химических соединений в отдельности. Таким образом кислоты, подобные по запаху, в смеси усиливают свой запах в нескольких общих для обоих веществ точках. Если же смешиваются запахи, не имеющие ничего общего, то такая смесь проявляет себя на органы обоняния собаки лишь в виде одновременно действующих компонентов, но не как более активный реагент. Схематически это можно изобразить следующим образом:

Масляная кислота	——+—+———+++———+—
Капроновая кислота	———+—————+++————++
Ионон	+—————+—————++———

В итоге Нейхауз пришел к заключению, что собака выслеживает и узнает человека не по наличию какого-то пахучего вещества, которое свойственно только этому человеку, а скорее всего благодаря определенному «набору» веществ, которые при известных условиях даже в подпороговых количествах позволяют собаке чувствовать заданный ей запах. Этого же взгляда придерживается наш крупнейший специалист в области физической химии член-корреспондент АН СССР В. Л. Тальрозе. «Есть основания предполагать, — заявил он на научно-теоретической конференции, посвященной вопросам применения одорологии в расследовании преступлений, — что смеси органических веществ, которые выделяют люди, качественно одинаковы и различия носят лишь количественный характер, и что собака таким образом, производит не только качественный, но и количественный анализ,

различая смеси веществ по соотношению в них тех или иных компонентов, хотя сами по себе компоненты более или менее одинаковы... Для гипотезы же качественной, то есть гипотезы о том, что у каждого человека есть какое-то свое особое вещество, у нас пока нет ни медицинских, ни биологических, ни биохимических оснований».

Запомним указанные обстоятельства. Они важны для нас в двух отношениях. Во-первых, они в значительной степени разъясняют, каким образом собака по следу, имеющему значительную давность — то есть в чрезвычайно сложных условиях — успешно осуществляет розыск скрывшегося преступника, похищенных вещей и т. д. Во-вторых, выводы Нейхауза и В. Л. Тальрозе позволяют дать научное объяснение далеко не единичным случаям, когда собаки-ищейки проявляют положительную реакцию на лиц и предметы (в частности, при так называемых «выборках» объектов по запаху), которые фактически к расследуемому случаю не имеют отношения и, казалось бы, в такой ситуации для обоняния животного должны быть нейтральны[17].

Запах человека со временем изменяется как качественно, так и количественно. Это зависит от ряда внешних и внутренних факторов. К внешним факторам надо отнести температурные изменения внешней среды; напряженную работу, когда количество выделяемого пота увеличивается. К внутренним — изменения интенсивности обмена веществ, употребление в пищу пахучих продуктов, заболевание почек и т. д. Изменения запаха может вызвать длительное нахождение пота и кожного сала на поверхности кожи. Пахучие вещества — мочевина и летучие жирные кислоты, начнут разлагаться, и в результате этого процесса запах человека меняется до неузнаваемости. Каждый человек кроме того является еще носителем и специфических запахов, зависящих от его профессии, бытовых условий. Например, у некоторых категорий рабочих одежда и обувь имеют запах масел, бензина и т. д. К этим запахам в ряде случаев добавляются запахи косметики, резиновой обуви, различных предметов, которые человек имеет при себе и т. д. Эти запахи и в количественном и в качественном отношениях также варьируют существенно — все это затрудняет, а в ряде случаев делает невозможным применение собаки для розыска и «опознания» по запаху.

[17] Подробнее на этом обстоятельстве мы остановимся ниже.

По своему физиологическому воздействию на собаку всё многообразие запахов, воспринимаемых животным, следует подразделить на две основных группы. Первая из них — запахи, которые вызывают у собаки врожденные или как их еще называют безусловно-рефлекторные реакции. Запаховые раздражители этой группы могут вызвать у собаки или положительную реакцию (под действием элементов запаха, вызывающих безусловно-рефлекторную реакцию, животное стремится к источнику запаха) или реакцию отрицательную, — связанную с желанием уйти от источника запаха. Вторую группу составляют запахи, которые вызывают у животного ту или иную поведенческую реакцию в результате индивидуально приобретенного опыта. Она может быть выражена в довольно сложных специализированных навыках. Такая условно-рефлекторная реакция собаки может быть выработана в процессе дрессировки и на первоначально индиферентный для животного запах, если его воздействие на обонятельный анализатор связывается с сильной безусловно-рефлекторной реакцией, например, пищевой. Это открывает возможности для обучения собак для розыска различного рода объектов по их запаху.

В литературе можно встретить утверждения о том, что запах человека для собаки выступает в качестве сильного положительного, привлекающего и возбуждающего запаха. Не следует, однако, придавать этому абсолютного значения. В зависимости от многих причин даже хорошо тренированная собака может проявить пассивность и даже полностью игнорировать запах человека (усталость, различного рода заболевания, действие отвлекающих запахов и т. д.). Действие запаха полового аттрактанта в этом отношении куда более эффективно. Преступники не оставили это без внимания[18].

При оценке возможностей собаки-ищейки выслеживать и узнавать по запаху искомые объекты следует учитывать, что от нее, как от животного, обладающего зачатками мыш-

---

[18] Один профессиональный вор прежде чем совершить очередное ограбление дома, охраняемого собакой, некоторое время проводил около своей суки, пока его одежда не пропитывалась запахом животного. «Собачье благоуханье», исходившее от вора, позволяло ему беспрепятственно совершать преступления — сторожевые псы при его приближении игнорировали свои «служебные» обязанности и на запах незнакомого человека не реагировали. См.: Л. Дж. Милн, М. Милн. Чувства животных и человека. Изд-во «Мир», М., 1966, стр. 142.

ления — хотя и примитивного, качественно отличного от человеческого, но мышления — и способного к довольно сложным комбинациям мысли[19], нельзя в каждом случае получать однозначный механический ответ на простой механический раздражитель. В связи с этим Р. Х. Райт пишет следующее: «Собака слишком тонко организована, для того, чтобы давать такой простой ответ, но интеллект ее отличается и от нашего. Она более рассеяна, более эмоциональна, склонна более к действию, чем размышлению. Именно поэтому истинный смысл действия собаки может быть для нас довольно неожиданным»[20].

Человек, по следу которого в последующем должны пустить собаку, часть пути прошел по довольно мягкому грунту, а затем его запаховый след «растаял» в воздухе — с помощью специально сконструированного и изготовленного приспособления этого человека подняли в воздух и перенесли на значительное расстояние в сторону. Далее вместо человека пустили большое колесо, на ободке которого прикрепили ботинки с интервалом в один шаг. Собаку послали по следу. Она прошла весь путь не заметив «подвоха» (опыт Моста и Брюкнера). Нет сомнений, что в этом случае животное «руководствовалось» не только запахом преследуемого, но и запахом поврежденного грунта, раздавленной травы и т. д. Видимо, она полагалась также и на свое зрение — может быть даже в большей степени, чем на нюх — высматривая следы ботинок на земле и одновременно следила за поведением своего проводника.

Роль внушения, которое хозяин (инструктор, проводник), помимо своей воли оказывает на животное, давно подмечена многими исследователями. В различных экспериментах собаки очень быстро узнавали, что именно от них требуется, чтобы получить поощрение и главным для них становилось не стремление разобраться в запахах, а достижение этой цели. Связанные с указанным фактором экспериментальные ошибки принято называть «ошибками Умного Ганса».

Представляет интерес появление этого термина. В одно время в Германии широкой известностью пользовалась цир-

---

[19] Это утверждение заведующего кафедрой сельского хозяйства и генетики Московского педагогического института им. В. И. Ленина проф. А. Платонова приведено из книги И. Адабашева. Мировые загадки сегодня. Изд-во политической литературы. М., 1969, стр. 300.

[20] Р. Х. Райт. Наука о запахах. М., 1966, стр. 96.

ковая лошадь по кличке «Умный Ганс». Она всех удивляла своей способностью складывать числа и выстукивать копытом ответ... Это казалось совершенно недоступным пониманию. Однако, потом заметили, что если хозяин лошади не знал решения, лошадь продолжала выстукивать ответ и после того как она уже сделала необходимое число ударов. Выяснилось, что хозяин лошади невольно находился в определенном эмоциональном напряжении, до тех пор, пока она не давала нужного количества ударов. Расслабление дрессировщика, незаметное зрителям — но отлично воспринимаемое животным — служило своеобразным сигналом к прекращению выстукивания[21].

Чтобы избежать таких ошибок в работе с собаками-ищейками, в частности, при розыске (выборке) вещей, когда от собаки требуется выбрать и принести предмет, которого касался определенный человек, проводник собаки не должен знать искомого предмета и где именно он находится. В противном случае он может подсознательно оказать воздействие на собаку. Такие рекомендации — совершенно правильные рекомендации — нередко можно встретить на страницах печати. К сожалению, их куда легче дать, чем выполнить. В уголовном судопроизводстве подобного рода ошибки легко могут стать роковыми...

---

[21] Вполне возможно и иное объяснение — введение зрителей в заблуждение путем прямого обмана. Известны, например, случаи использования в аналогичных ситуациях «беззвучного» собачьего свистка... Компактное устройство, которое может действовать от небольшого резинового баллончика с воздухом (годится резиновый баллончик от пипетки). Его легко спрятать в одежде экспериментатора. Это приспособление регулируется таким образом, чтобы создавать звук с частотами, воспринимаемыми животными и только ими. Взрослый человек не слышит звука этого свистка... Собака же или иное животное, а также дети при несложном обучении начинают выполнять команды, поданные «беззвучным» способом. См.: Ч. Хэнзел. Парапсихология. Перевод с английского, изд-во «Мир», М., 1970, стр. 187—188.

4. ИЗ ИСТОРИИ СЛУЕЖБНОГО СОБАКОВОДСТВА

Начало использования собак на розыскной службе относится к далекому прошлому. «Собака была первым полицейским в мире, она была первым ночным сторожем, первым стражником и первым сыщиком»[22]. Одним из пионеров использования собак для розыска преступников следует считать известного криминалиста Г. Гросса, по инициативе которого стали использовать собак для полицейской службы в Германии, а затем и в других странах.

В России розыскную собаку-ищейку стали применять в 50-х годах прошлого столетия для охраны государственных границ. В 1908 году в Петербурге было основано «Общество поощрения собак в полицейской сторожевой службе». В связи с этим в журнале «Вестник полиции» появилась статья, в которой отмечалось, что теперь никакой грим, никакое переодевание не спасут преступника, так как полицейская собака будет распознавать его не по наружному виду, а по запаху, отличительные свойства которого доступны только изощренному, исключительному обонянию собаки. Сообщения в печати — не без налета сенсационности — об успешных случаях применения полицейских собак подтверждали их большие возможности в розыскной работе, подчеркивали громадный моральный эффект, который производит четвероногий сыщик на преследуемых.

История службы собак — верного друга и помощника человека — знает, к сожалению, немало и отвратительных страниц. Печальную известность приобрели, например, «кро-

---

[22] См.: В. Лебедев. «К истории полицейской собаки», «Вестник полиции», 1909, стр. 401.

вяные собаки», применявшиеся рабовладельцами Америки для выслеживания и поимки бежавших с плантаций невольников. Не менее безнравственны разработка «теории» и практика использования собак для разгона и преследования демонстрантов[23], устрашение и охрана заключенных в фашистских концлагерях и т. д. Разумеется, все это ни в коей мере не компрометирует самих животных, а лишь их хозяев и реакционную сущность режимов, которым они служили.

В первые годы Советской власти дело розыскного собаководства в основном было подчинено задачам охраны социалистической собственности. Большое значение для развития и совершенствования службы собак в борьбе с преступностью имела первая школа-питомник собак-ищеек уголовного розыска в Петрограде. В эти же годы в Москве были созданы 3-х месячные курсы, на которых работники уголовного розыска получали необходимые знания не только в области советского законодательства, но и наряду с применением научных способов раскрытия преступлений учились работать с дрессированными собаками. В 1930 году в Нальчике была организована школа для обучения проводников служебно-розыскных собак. В Иркутске впервые стали использовать собаку-ищейку в 1927 году, с приездом в город собаковода-любителя Шпраха, который предложил свою помощь и немецкую овчарку органам милиции. В 1930 году в Иркутске создали питомник служебно-розыскных собак, который существует и в настоящее время. Имеются питомники служебных собак и в других областях.

Известно много замечательных образцов розыскной работы служебных собак.

В 1924 году в Ленинграде группа ночных громил взломала магазин. Убегая, они отстреливались и убили одного прохожего. Для розыска преступников применили собаку-ищейку, которая привела в подвал дома, где находились два бандита. Увидев собаку, а за ней сотрудников уголовного розыска, преступники сдались, здесь же признались в совер-

---

[23] В свое время в одном из журналов («Вестник полиции, 1909, стр. 206) была опубликована анонимная статья «Полицейская собака против толпы» (читай: собаки против демонстрантов). Несколько позднее тот же самый журнал поместил на своих страницах еще одно «исследование»: «Применение собак к сторожевой охране тюрем». Характерно, что и в этом случае автор предпочел остаться неизвестным («Вестник полиции», 1909, стр. 581).

шенном преступлении и указали место, куда выбросили оружие[24].

А вот что рассказывает о служебно-розыскной собаке по кличке «Султан» проф. И. Ф. Крылов. Эта собака прослужила в Ленинградской милиции около 15 лет. Она участвовала во многих операциях, задержала сотни преступников и обнаружила более чем на 2 миллиона рублей похищенного имущества. В суровые дни блокады Лениграда она успешно использовалась для обыска местности, в обходах и засадах. При налетах фашистской авиации собака оказывала большую помощь в розыске вражеских разведчиков, пускавших сигнальные ракеты. С ее помощью удалось обнаружить и задержать нескольких фашистских десантников и лазутчиков. Особенно примечателен подвиг «Султана» при задержании парашютиста-диверсанта, совершившего несколько убийств советских военнослужащих. Скрываясь после совершения очередного убийства, диверсант намеренно вышел на шоссе, отличавшееся интенсивным движением. Он надеялся таким маневром «замести следы», но и эта уловка не помогла. По обнаруженному на месте преступления финскому ножу собака взяла след и начала преследование. Убийце не удалось скрыться.

Участвовал «Султан» в розыскной работе и в послевоенные годы. В одном из глухих переулков, находящихся на окраине города, преступники напали на женщину. На место происшествия выехали оперативные сотрудники милиции. Пущенная по следу собака скоро вышла на улицу с большим движением, но следа не потеряла, хотя ей пришлось идти по этой улице больше километра. Преступников удалось обнаружить и задержать.

Один из самых блестящих результатов работы по следу «Султан» показал при неблагоприятных погодных условиях (мороз свыше —20°). Несколько преступников обокрали ночью склад, а сторожу нанесли тяжкие повреждения. На место преступления доставили «Султана» и пустили по следу. Собака вышла на лед Невы, прошла около двух километров по дороге, на которой было очень много посторонних следов. Остановившись у одного из домов, она вошла в парадный подъезд и поднялась на пятый этаж. Там она лаем указала на двух граждан. Это были преступники, которые

24 См.: С. Кренев. Работа собак-ищеек. (Из деятельности Ленинградского губугрозыска). «Рабоче-крестьянская милиция», 1924, № 9.

считали себя в полной безопасности. Появление ищейки оказалось для них полной неожиданностью. Оба признались в совершении преступления, рассказали о своих соучастниках и указали, где спрятано похищенное имущество[25].

Примеры успешного использования служебно-розыскных собак в борьбе с преступностью можно было бы умножить.

Применяются собаки и в народном хозяйстве. Пастушечьи собаки не только стерегут овец и крупный рогатый скот, но и охраняют их от хищников, разыскивают пропавших животных. Приносят пользу караульные собаки при охране различных объектов — сооружений, складов, гаражей и т. д. По-прежнему незаменима собака в охране государственной границы.

В последнее время сфера использования собак еще больше расширилась. Специально дрессированные собаки применяются для обнаружения утечки газа в газопроводах, а также в геологии для поиска полезных ископаемых. По сообщению доктора биологических наук проф. Г. А. Васильева — инициатора этого новшества — собака, которую приучили отличать запах металлического бериллия, из множества предложенных ей на выборку минералов успешно указала лаем на изумруд, аквамарин, воробьевит, фенакит и бертрандит, то есть все то и только то, что содержит бериллий. Ученый не без оснований полагает, что запах каждого минерала собака воспринимает как целый «букет», в котором, однако, отчетливо чувствует каждый его компонент[26].

---

25 См.: И. Ф. Крылов. Следы на месте преступления. Изд-во Ленинградского университета, 1961, стр. 85—86.

26 См.: И. Литинецкий. На пороге забытого мира. «Вокруг света», 1971, № 12.

Положение о том, что собака, воспринимая обонянием тот или иной объект, различает не только «букет» его запаха в целом (в том числе и различного рода случайные примеси), но и отдельные его компоненты в отдельности, значительно раньше было высказано в литературе другими авторами.

Указанное положение подтверждено экспериментально. Оно чрезвычайно важно, поскольку позволяет понять механизм ошибочного «узнавания» собакой предъявленного ей на выборку объекта, фактически не имеющего никакого отношения к событию преступления. («Указание» происходит по случайно совпавшим компонентам запаха. Упоминавшиеся нами эксперименты Нейхауза показывают, что в ряде случаев для такого результата может оказаться достаточным «сложение» отдельных компонентов запаха в подпороговых концентрациях).

5. ПРИМЕНЕНИЕ СОБАКИ-ИЩЕЙКИ — ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ДЕЙСТВИЕ. СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОБАК-ИЩЕЕК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Служебно-розыскные собаки — важное оперативно-розыскное средство в борьбе с преступностью[27]. Обеспечивая проведение ряда гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий, служба собак эффективна на стадиях пресечения, раскрытия и расследования преступлений.

Собака-ищейка способна вести розыск трех видов:

а) отыскание источника запаха (например, прямой поиск скрывшегося преступника по его следам);

б) отыскание предметов — носителей запаха по его источнику (например, розыск похищенных вещей по запаху потерпевшего);

в) отыскание по запаху одного предмета других предметов — носителей того же запаха (например, розыск предметов, похищенных и спрятанных преступниками, по запаху других предметов той же принадлежности).

---

27 Правовой основой оперативно-розыскной деятельности является ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которая обязывает органы дознания принимать необходимые оперативно-розыскные меры для установления признаков преступления и лиц их совершивших. В отличие от следственных действий, виды оперативно-розыскных мер и правила их применения уголовно-процессуальным законом не предусмотрены. Эти вопросы регламентируются ведомственными инструкциями и распоряжениями. Таким образом оперативно-розыскные меры — в том числе и применение служебно-розыскной собаки — носят **непроцессуальный** характер и представляют собой основанную на законе и подзаконных нормативных актах систему разведовательных мероприятий, связанных с использованием специальных тактических и технических методов и средств, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений.

В настоящее время в работе служебных собак все более отчетливо намечается «специализация» — в зависимости от вида расследуемых правонарушений подготовка и использование служебных собак имеет свои особенности. В частности, специально обученные собаки успешно ведут розыск наркотиков. В связи с этим за рубежом сообщалось об успешном использовании полицией США розыскных собак, подготовленных для обнаружения двух наркотиков — опиума и марихуаны (опиума); подчеркивалось, что указанное новшество значительно облегчит борьбу с контрабандистами, ввозящими эти наркотики[28]. Оригинальная методика подготовки собак для такого рода службы разработана К. Т. Сулимовым. Созданы химически стойкие и хорошо воспринимаемые обонянием собаки запаховые маркирующие вещества для использования их в «ловушках», которые положительно зарекомендовали себя наряду с охранной сигнализацией и иными техническими средствами охраны различного рода объектов.

Использование служебно-розыскных собак при расследовании убийств имеет свою специфику. Обусловлена она своеобразием материальных следов этого преступления, обстановки места происшествия и задач, стоящих перед лицами, производящими расследование (наличие на месте происшествия трупа, следов крови и иных следов жизнедеятельности организма человека — преступника и потерпевшего — сохранивших присущий им запах; применение преступником огнестрельного оружия и соответственно необходимость обнаружить следы выстрела и дифференцировать их; задача в условиях остро проявляющего себя дефицита времени установить личность потерпевшего и преступника и обезвредить последнего и т. д.).

Обобщение опыта работы подразделений служебного собаководства показывает, что применение служебно-розыскных собак при расследовании этих тяжких преступлений целесообразно в следующих случаях:

---

[28] Kriminalistik. Heft 12, 1967, s. 670—671. Hamburgr. Svensk Polis (Stockholm. Okt. 1967), «Hande als Hefler im Kampf gegen Rauschgifthändler und Schmuggler».

Об успешном использовании таможенниками собаки-ищейки для обнаружения чемоданов с наркотиками в международном аэропорту Бейрута сообщалось и в нашей периодической печати. См.: Собака-ищейка — таможенник, «Смена», 1971, № 2.

а) для установления пути следования преступника с места преступления, а при благоприятных условиях для его непосредственного преследования «по горячим следам», обезвреживания и задержания;

б) для установления маршрута, по которому преступник пришел к месту совершения преступления (с помощью собак-ищеек, специально тренированных для так называемой «обратной проработки следа»);

в) для «обратной проработки следа» потерпевшего с тем, чтобы установить, откуда убитый пришел к месту происшествия, и таким образом попытаться найти дополнительные возможности выяснить, кому принадлежит труп;

г) для обезвреживания и задержания с минимальными затратами сил и времени лиц непосредственно в процессе их противоправных действий, связанных с применением огнестрельного оружия и боеприпасов, а также душевнобольных, создающих подобными действиями угрозу для окружающих[29];

д) для розыска орудий преступления, спрятанных или выброшенных преступником, и других предметов — вещественных доказательств, имеющих значение для дела, и прежде всего огнестрельного оружия, стреляных гильз, огнестрельного снаряда и его частей[30] и следов, ими оставленных (с помощью собак-ищеек, специально дрессированных для обнаружения объектов по запаху продуктов сгорания пороха и компонентов состава капсюля);

е) для поиска спрятанных (зарытых) трупов;

ж) для выяснения в оперативных целях принадлежности определенным лицам обнаруженных предметов («выборка» собакой предметов по запаху)[31].

---

[29] Разумеется, такие действия возможны лишь с учетом обстоятельств каждого конкретного случая и при условии, если применение служебной собаки — не следует забывать, что с позиций права она источник повышенной опасности (!) — диктуется обстановкой, которая соответствует условиям необходимой обороны.

[30] В судебной баллистике к огнестрельному снаряду и его частям относятся: пуля, осколки деформированной пули; осколки, датали и термические включения пуль специального назначения; дробь или картечь, пыжи и специальные детали снаряжения охотничьего патрона, применяемые для концентрации или рассеивания дроби в полете.

Важное криминалистическое значение имеют также вторичные снаряды, возникающие в результате передачи кинетической энергии от движущихся снарядов или пороховых газов различным преградам (в основном осколки предметов, поврежденных выстрелом).

[31] С последним из названных случаев применения служебно-розыск-

Применение служебно-розыскной собаки — оперативно-розыскное действие. В этом качестве собака-ищейка хороший, порой незаменимый помощник в розыске скрывшегося с места преступления правонарушителя или его следов. Порой она дает следствию единственную «зацепку», позволяющую размотать сложный клубок преступных хитросплетений. Особенно полезна собака-ищейка в начальный период расследования — в частности, в процессе осмотра места происшествия — когда важно иметь данные, хотя бы предположительно указывающие направление, в котором скрылся преступник, установить лиц, с которых нужно начать проверку, обнаружить следы, орудия преступления и иные предметы, имеющие криминалистическое значение, и на этой основе строить следственные версии для раскрытия преступления.

Разумеется, применение розыскных собак, как и любых иных средств и методов оперативно-розыскной работы органов милиции, должно сочетаться с другими оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями.

Приведем пример, когда применение служебно-розыскной собаки в сочетании с другими оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями помогло раскрыть тяжкое преступление.

Ночью 25 января 1958 года ответственный дежурный УВД Чарджоуской области получил сообщение о том, что в поселке Фараб в общежитии сейсмической экспедиции убит тракторист Сапаев. Вместе со следователем в поселок выехали судебномедицинский эксперт, сотрудник НТО, инструктор служебного собаководства с собакой-ищейкой и работники уголовного розыска.

После опроса свидетелей и предварительного осмотра места происшествия картина предшествующих событий представилась в следующем виде. За несколько часов до убийства потерпевший вместе со своими товарищами по работе и соседями по общежитию Юлдашевым, Бирюковым и Абдаловым распивали у себя в комнате спиртные напитки. Затем Абдалов и Бирюков ушли на танцы в клуб, а Сапаев с Юлдашевым зашли к соседу Лямину, где организовали

ной собаки связана острая дискуссия о так называемой «судебной одорологии». Эта дискуссия затронула целый комплекс вопросов, имеющих значительный интерес как для теории, так и для практики. В соответствующем разделе нашей работы мы остановимся на этом подробно.

игру в карты. В девять часов Лямин лег спать, а Юлдашев и Сапаев пошли в свою комнату. Возвратившись поздно ночью с танцев, Бирюков разбудил Лямина и попросил его помочь привести со двора пьяного Абдалова. Во дворе кроме спавшего на земле Абдалова Лямин увидел Юлдашева. Когда они принесли своего пьяного товарища в комнату, то увидели, что лежащий на своей кровати Сапаев убит (голова трупа была рассечена ударом топора; топор оставался в ране).

Применили ищейку, дав ей занюхать ручку топора. Собака из общежития вышла во двор и бросилась на Юлдашева, находившегося там среди других рабочих экспедиции.

На допросе Юлдашев отрицал какую-либо причастность к убийству Сапаева. Он объяснил следователю, что уйдя от Лямина первым, зашел в столовую, выпил водки, а затем пошел в клуб, где и встретился с Бирюковым и Абдаловым, Сапаев же якобы оставался у Лямина, продолжал играть с ним в карты.

Вскоре оперативным путем удалось получить сведения о том, что Юлдашев интересовался, могут ли эксперты выявить пальцевые отпечатки рук человека на деревянной ручке топора, а также является ли доказательством тот факт, что его облаяла собака-ищейка. Версия об убийстве Сапаева Юлдашевым стала более реальна. В последующем после проведения ряда очных ставок и других следственных действий алиби Юлдашева удалось опровергнуть, и он признался в убийстве. Признание Юлдашева объективно подтверждалось данными осмотра места происшествия, заключением судебномедицинского эксперта, производившего вскрытие трупа, и другими доказательствами.

Таким образом, применение розыскной собаки уже с первых шагов расследования позволило найти верный путь к установлению убийцы и в результате последующих следственных действий раскрыть это преступление.

Постоянное совершенствование форм и методов охраны общественного порядка влечет за собой соответствующие изменения и в организации службы собак. В крупных городах, в частности в Москве и Риге, наряду со следователями, оперативными работниками, судебными медиками и криминалистом в помещении Управления охраны общественного порядка круглосуточно дежурят и проводники служебно-

розыскных собак. Этим самым обеспечивается своевременный их выезд на место происшествия[32].

Новой формой использования сил и средств милиции явилось создание подвижных милицейских групп (ПМГ). Это потребовало значительно перестроить всю работу уголовного розыска и административной службы милиции, оснастить соответствующие подразделения радиофицированными специальными автомашинами и мотоциклами. Поскольку основной задачей подвижных милицейских групп является пресечение преступлений и их раскрытие по горячим следам, экипаж ПМГ состоит из инспектора уголовного розыска, проводника со служебно-розыскной собакой и милиционера. Практика показывает, что ПМГ, осуществляя движение в заданном районе, появляется в нужном пункте в течение 3—5 минут после получения сообщения о происшествии, и проводник сразу же имеет возможность применить ищейку. В настоящее время внедрение ПМГ, которые значительно повышают эффективность охраны общественного порядка, осуществляется повсеместно.

К сожалению, возможности службы собак не всегда и не везде оцениваются по достоинству. В частности, подвижные милицейские группы не всегда имеют в своем составе служебную собаку и ее проводника, что, конечно же, существенно снижает их эффективность и возможности. Недавно «Литературная газета» поместила очерк О. Чайковской о ликвидации банды, дерзко действовавшей в течение ряда лет в Ростове. В заключительной операции по обезвреживанию опысных преступников героически проявил себя экипаж ПМГ, возглавляемый младшим лейтенантом Евгением Кубышта[33]. Если бы в составе группы находились проводник и надлежаще подготовленная собака, степень риска, которой подвергали себя люди, была бы значительно меньше.

---

32 См.: Е. И. Горелкина. Умелое проведение первоначальных следственных действий — залог раскрытия убийств. В кн. Вопросы борьбы с убийствами. М., 1969, стр. 26.

33 См.: «Литературная газета», 1973, 18 июля.

6. ПОЧЕМУ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОБАКИ-ИЩЕЙКИ НЕ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

В осуществлении органами следствия и суда стоящих перед ними задач стержневое значение имеет **доказывание**, то есть процессуальная деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления объективной истины по делу[34].

В качестве судебных доказательств могут выступать любые фактические данные, но при том непременном условии, что они имеют отношение к расследуемому преступлению и установлены в предусмотренном законом порядке (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Таким образом при определении понятия судебного доказательства следует исходить из его единства, но единства двухстороннего, а не одностороннего. «Фактические данные и средства их доказывания (источники доказательств) в отдельности не составляют доказательств, лишь вместе они образуют это понятие»[35]. Такого взгляда на природу судебных доказательств придерживаются большинство советских процессуалистов и криминалистов[36]. Пленум Верховного Суда СССР в своем руководящем разъяснении «О строгом со-

---

[34] См.: Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие. М., стр. 98 и сл.

[35] И. Ф. Крылов. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени доктора юрид. наук. Л., 1966, стр. 21.

[36] См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая, коллектив авторов, ответственный редактор Н. В. Жогин. М., 1966, стр. 230; Теория доказательств в советском уголовном процессе, издание второе, исправленное и дополненное. М., 1973, стр. 197 и сл.

блюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» (Постановление Пленума от 18 марта 1963 года № 2) особо подчеркнул, что в основу приговора не могут быть положены материалы, полученные с нарушением процессуального порядка собирания доказательств[37].

Рассматривая с приведенных позиций интересующий нас вопрос, нельзя не признать, что результаты применения служебно-розыскной собаки не могут рассматриваться в качестве ни прямого, ни косвенного судебного доказательства, поскольку в исчерпывающем перечне источников судебных доказательств (средств доказывания) закон собаку-ищейку не упоминает. Указанная позиция законодателя, конечно, не случайна. Несмотря на то, что обоняние ищейки уникально, этот «инструмент» в определенном смысле выступает в качестве «черного ящика», ввод и обработка информации в котором не поддаются объективному контролю[38].

Поведение собаки-ищейки (взяла след, облаяла определенное лицо и т. д.) не является судебным доказательством, точно также, как не могут, например, рассматриваться в качестве доказательства результаты применения специальной аппаратуры, регистрирующей физиологические реакции допрашиваемого. Тот факт, что и результаты применения служебно-розыскной собаки и результаты использования «лай-детектора» или иного «разоблачителя лжи» можно представить в виде официального документа, положения не меняет. С точки зрения уголовно-процессуального закона обе приведенные ситуации однозначны, представляя собой примеры безусловной недопустимости в качестве судебного доказательства.

Вот что пишет по этому поводу проф. М. С. Строгович. «Иногда возникает вопрос о доказательственном значении указания собаки-ищейки на определенное лицо. Следует признать, что такое указание имеет только розыскное значение, оно дает возможность направить расследование по определенному пути в отношении определенного лица. Никакого доказательственного значения указания собаки-ищейки не имеют и на них основывать выводы о виновности определенного лица ни в коем случае нельзя. Указание собаки-ищейки не

---

37 См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970. Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», М., 1970.

38 «Черный ящик» — внутренняя структура той или иной системы, совершенно недоступная для непосредственного наблюдения.

имеет доказательственного значения ни как источник сведений о факте, ни как доказательственный факт»[39].

Такую же позицию обоснованно занимал М. А. Чельцов, который случаи «доказывания» путем обсуждения «поведения собаки-ищейки» поставил в один ряд с «доказыванием» с помощью «речей ворожеи» и данных, содержащихся в «агентурных сводках»[40], а также Б. А. Галкин[41], А. Н. Васильев[22], Д. П. Рассейкин[43] и многие другие ученые процессуалисты и криминалисты. (Небезынтересно в связи с этим напомнить, что еще Г. Гросс расценивал применение собаки при расследовании преступлений как возможность напасть на след, не более...[44]).

Важно подчеркнуть, что случаи успешного применения служебно-розыскных собак при расследовании преступлений не дают оснований для преувеличения их возможностей и роли, которая им должна быть отведена. Контроль за действиями собаки, воспринимающей и оценивающей на уровне своего зародышевого интеллекта неведомые нами признаки, затруднителен, если не сказать невозможен. Понять истинный смысл действия собаки и ее «решений», «увидеть» ее упущения и предотвратить роковые ошибки, о которых предупреждал Р. Х. Райт, удается далеко не сразу, и нет гарантий, что такие ошибки обнаруживаются в каждом случае. Практика знает многочисленные тому подтверждения от явно комических, например, когда собака, «взяв след», приводит с места происшествия... в дом прокурора, принимавшего участие в осмотре, до случаев, имеющих совсем иную, трагическую окраску.

В ночь на 26 сентября 1926 года в Воронежской губернии бандиты вырезали всю семью крестьян-немцев по фамилии Андерс, проживавших на уединенном хуторе Байдак вблизи железнодорожной линии. Начались поиски преступников. Ищейка, взяв след, помчалась к железнодорожной будке,

---

[39] М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 394.

[40] М. А. Чельцов. Уголовный процесс. М., 1947, стр. 292.

[41] Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, стр. 176.

[42] А. Н. Васильев. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962, стр. 15; Советская криминалистика, М., 1970, стр. 44.

[43] Д. П. Рассейкин. Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов, 1967, стр. 26.

[44] Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей. Смоленск, 1895, стр. 55.

где проживал путевой сторож Ложков. Много трагических минут пережил этот человек — фактически не имевший к преступлению никакого отношения — пока не вмешался Верховный суд и не отменил состоявшийся в отношении Ложкова обвинительный приговор[45].

Вот всемирно известное дело «чудовища из Марсалы». Зверски убиты три несовершеннолетние девочки. Нашелся свидетель, который видел сестер, когда их кто-то увозил на автомашине марки «фиат» голубого цвета. Собака-ищейка, взяв след, привела во двор напольщика Луминоры. Во дворе стоял голубой «фиат»... Ревущая толпа пыталась устроить самосуд. Карабинеры с трудом сдерживали ее. Казалось, преступление раскрыто, но... выяснилось, что подозреваемый к преступлению не причастен[46].

Аналогичные примеры знает и наша современная следственная практика. Обнаружен труп мужчины. Собака-ищейка с места преступления привела к автобусу, в котором спал шофер Косенко, и облаяла его. Косенко признается в убийстве, но в последующем удается выяснить, что убийца не он[47].

Убит шофер такси. Применили служебно-розыскную собаку. Она привела своего проводника во двор, где живет Шайхутдинов. Последний задержан. На его одежде обнаружена кровь и имеются другие «веские» улики, но в последующем следователь установил, что убийство совершено Хакимовым и Назимовым, которые с Шайхутдиновым даже не были знакомы[48].

Подобные примеры можно, к сожалению, умножить...

Выше мы приводили случаи использования собаки-ищейки для выслеживания, когда собака идет по следу какого-то одного человека среди других чрезвычайно разнообразных и меняющихся в своих соотношениях следов запаха. На практике, однако, использование чутья собаки такими случаями не исчерпывается. Иногда для получения ориентирующей информации собаку-ищейку применяют для выборки объектов по запаху.

---

45 См.: Ольга Чайковская. Закон и человеческое сердце. Изд-во «Московский рабочий», М., 1969, стр. 110—111, 116, 122—124.

46 См.: Л. Колосов. Преступление в Марсале. «Человек и закон», 1973.

47 См.: С. Ф. Шаронов. Кто убит и кто совершил убийство? «Следственная практика», вып. 37. М., 1959.

48 См.: Р. Ш. Мигунов. Раскрыть убийство шофера помог коллектив таксомоторного парка. «Следственная практика», вып. 62, М., 1963.

В 1952 году в Ангарске в одном из магазинов неизвестный вор совершил кражу. Осматривая место происшествия, следователь обнаружил поношенные ботинки, которые, видимо, оставил в магазине преступник. Эту находку следователь упаковал в плотную бумагу и приобщил к делу в качестве вещественного доказательства. Через несколько дней после этого в другом магазине города участковый милиционер задержал гражданку Алехину при попытке совершить аналогичное преступление. Возникло предположение, что и в первом случае кража совершена ею. Желая проверить эту версию и изобличить правонарушителя, следователь сделал следующее: в то время, когда Алехина и еще шесть других задержанных находились в помещении дежурного отдела милиции, собаке-ищейке дали обнюхать ботинки, изъятые на месте преступления, и пустили ее «на выборку». Собака подошла к Алехиной и ухватила ее за рукав пальто. Женщина, увидев в руках у следователя свои ботинки и поняв, что собака выделила ее среди других лиц по оставленному ею запаху, здесь же созналась в совершении преступления. Подобные случаи, использования «законсервированного» запаха, оставленного правонарушителем, хотя до последнего времени они и не популяризировались, далеко не единичны.

На нравственной стороне «выборки» подозреваемого по запаху с помощью собаки-ищейки мы остановимся ниже. Сейчас нам важно отметить другое. Бытует мнение, что при выборке «снимаются» трудности, которые испытывает собака, идущая по следу при выслеживании, и таким образом, якобы, уменьшается риск ошибок (необоснованной «выборки» предмета или лица фактически не имеющего отношения к расследуемому событию). Такое мнение совершенно необоснованно, что подтверждается экспериментами, о которых мы расскажем в следующем разделе работы.

7. О ПРИЧИНАХ «ОШИБОК» В РАБОТЕ СОБАК-ИЩЕЕК

Как мы уже показали, следственная практика знает немало примеров, когда результаты применения служебно-розыскной собаки «уверенно взявшей след», облаявшей определенное лицо и т. д. оказывались в противоречии с результатами последующего расследования, дезорганизовывали следствие, влекли грубые ошибки и промахи. Как объяснить эти факты, учитывая хорошо известное непревзойденное обоняние собаки?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, на юридическом факультете Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова в течение ряда лет на базе питомника служебно-розыскных собак проводились многочисленные эксперименты.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предложение, согласно которому большинство так называемых «ошибок» в работе собак-ищеек, не что иное как вполне закономерный выбор собакой того или иного объекта по случайно совпавшим компонентам запаха, в условиях, когда фактический объект запахоноситель в зоне действия обоняния собаки почему-либо отсутствует. Другими словами «механизм» ошибок в работе собак-ищеек экспериментаторам рисовался следующим образом. При отборе образцов воздуха с молекулами запаха, оставленного преступником на месте преступления, неминуемо «консервируются» и различного рода посторонние запахи — «помехи», например, запах мазута, если орудие преступления, от которого производится отбор запаха, находится на линии железной дороги и т. д. Если в последующем по стечению случайных обстоятельств, будет заподозрен человек, не имеющий отношения к преступлению, но работающий на железной дороге путевым обходчиком, то

среди других лиц собака выберет его — скажется запах мазута, которым пропитана одежда подозреваемого.

В каждом случае программа экспериментов предусматривала их проведение в три последовательных этапа.

Первая серия опытов позволила убедиться, что в распоряжении экспериментаторов имеются хорошо подготовленные, обладающие отличным обонянием собаки. По запаху собаки безошибочно выбирали среди группы людей именно того человека, которому принадлежали те или иные следы или предметы, использованные при отборе запаха.

При проведении второй серии опытов предусматривалось введение «помех» в виде дополнительных компонентов запаха, которые характеризуют определенное постороннее лицо и заведомо не имеют отношения к лицу — запахоносителю, предъявленного «на выборку». Приведем пример, чтобы показать, как это делалось практически.

В одном из экспериментов отбор воздуха с молекулами запаха «преступника» производился от головного убора (шапки ушанки), «потерянной» им на местности, слегка пропитанной бензином. В последующем в группу лиц, из которых собаки производили выборку, включались владелец шапки, который по роду своей работы не был связан с горюче-смазочными материалами, и работник гаража, регулярно имеющий дело с бензином. В каждом случае проведения опыта собака, несмотря на «помехи», выбирала человека, которому принадлежала шапка. Такое поведение собаки не явилось неожиданностью, так как известно, что это животное различает не только мельчайшие компоненты запаха, но и «букет» запаха в целом.

При проведении третьей серии экспериментов также фигурировали «помехи». Однако теперь в группу лиц, из которых собака производила «выборку», не включался человек, которому принадлежали следы, использованные при отборе запаха, но по-прежнему вводилось лицо, запах одежды которого содержал компоненты из источника «помех». В этих случаях собака выбирала (облаивала, хватала зубами за одежду) лицо, которое заведомо не имело отношения к следам, использованным для консервирования запаха, но имевшее в «букете» своего запаха указанные помехи.

В очередном эксперименте закурил и бросил на землю спичку «преступник», который незадолго до этого поранил палец на правой руке и пользовался настойкой йода. Обгоревшую спичку, которую «преступник» держал в правой руке

с помощью пинцета взяли и поместили в полиэтиленовый мешочек. Через два дня «законсервированную» спичку дали понюхать овчарке и пустили ее на выборку из группы трех человек мужского пола. Эксперимент проводился на открытом воздуха. В указанной группе людей «преступника» не было, но находился человек, который в этот день смочил себе руку настойкой йода. Собака выбрала этого человека. Эксперимент неоднократно повторяли, варьируя детали: вместо настойки йода использовали ихтиоловую мазь, ртутную мазь, гашиш и т. д. Результаты в каждом случае были те же[49]. Характерно, что при этом совершенно необязательно было использовать йод (ихтиоловую мазь, ртутную мазь, гашиш, одеколон и т. д.) из одной и той же емкости, партии... Положительная реакция собаки-ищейки неминуемо следовала и в тех случаях, когда собака «сравнивала» запах тех или иных однородных веществ, ранее не составлявших одно целое и не имевших единого источника происхождения. Факт знаменательный! При «выборке» объектов по запаху (фак-

---

[49] Не можем не отметить одно обстоятельство. В эксперименте мы считали возможным и нужным предъявлять собаке-ищейке «для выборки» по запаху не только различного рода предметы, но и людей. Это ни в коей мере не означает, что мы допускаем возможность предъявлять собаке «на выборку» по запаху подозреваемых в процессе расследования уголовных дел.

Положение подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) как субъекта уголовно-процессуальной деятельности в советском уголовном процессе несовместимо с действиями низводящими его до роли бесправного объекта исследования. Предложения определять причастность подозреваемого к событию преступления, «предъявляя» его «на выборку» собаке-ищейке (проф. А. И. Винберг, проф. В. Д. Арсеньев), ставит подозреваемого именно в такое положение, причем, в наихудшем для него варианте, поскольку такая ситуация связана с унижением достоинства человека. По изложенным соображениям мы считаем, что «выборка» людей по запаху с помощью собаки-ищейки в советском уголовном процессе недопустима ни при каких условиях.

И снова нам представляется уместным провести аналогию с практикой применения в уголовном процессе некоторых буржуазных государств пресловутого «детектора лжи». На семинаре ООН по проблеме защиты прав человека в уголовном процессе, состоявшемся в 1958 году, единодушно было отмечено, что применение «детектора лжи» в процессе следствия ни что иное как «возврат к средневековому варварству и оскорбление человеческого достоинства». (см.: «Химия и жизнь», 1969, № 2, стр. 131.

Оценивая предложение упомянутых выше авторов, приведенную резолюцию семинара ООН есть смысл учитывать. И еще. Не все новое прогрессивно, демократично. Даже для средневековья вряд ли можно считать прогрессивным такие методы установления «истины» как «испытание огнем», «испытание водой» и другие ордалии... «Испытание собакой» не должно встать с ними в один ряд.

тически это ситуация принудительного выбора) одна и та же поведенческая реакция животного обусловливается не только в случаях, когда собака чувствует «тот же самый запах», но и тогда, когда запах «такой же». Нетрудно себе представить сколь многообразны — и неожиданно случайны — могут оказаться «положительные» результаты такой «выборки»... При этом следует иметь в виду, что повторная (последующие) «выборка» с помощью той же самой или другой (других) собак-ищеек, как правило, дает тот же самый «положительный» результат... Это обстоятельство, создающее внешнюю убедительность «выборки», ни в коей мере не исключает положительной реакции собак в результате «отмеченного» ими случайного совпадения отдельных компонентов запаха... Наоборот! Есть все основания презюмировать, что каждая последующая «выборка» последовательно будет давать все тот же результат. Как же иначе? Вполне логично, что каждая собака будет поступать в той же ситуации точно так же, как ее предшественница.

Результаты экспериментов, о которых мы рассказали, как нам представляется, чрезвычайно важны.

Во-первых, дополняя ранее полученные экспериментальные данные — вспомним опыты Нейхауза и его выводы — они позволяют объяснить, почему в ряде случаев собака-ищейка «выбирает» среди иных предметов или лиц, те предметы и тех лиц, фактически причинно не связанные с запаховым следом, который ей дали занюхать.

Во-вторых, применительно к ситуациям, когда собаке предъявляются предметы или лица на выборку, развеять ошибочное представление о том, что задача собаки упрощается и ошибки, якобы, исключаются. Наоборот! По сравнению с «традиционным» применение собаки-ищейки, когда она идет по «запаховой дорожке» и проводник может в какой-то степени контролировать поведение животного, при использовании «законсервированного» запаха и выборки объектов по этому запаху возможность неконтролируемых ошибок (обусловленных множеством самых разнообразных и случайных факторов, которые практически выявить и устранить невозможно) возрастает во много раз.

И еще в одном отношении важны полученные экспериментальные данные. **Не опорочивая практику использования собак-ищеек в оперативно-розыскных целях** они, по нашему мнению, **перечеркивают** экспериментальный и практический материал успешного использования служебных собак для

выслеживания и розыска лиц и предметов по их запаху **как базу, на основании которой отдельные авторы** (проф. А. И. Винберг, проф. В. Д. Арсеньев) **пытаются теоретически обосновать использование собак-ищеек в качестве источника судебных доказательств.**

Остановимся в связи с этим на точке зрения В. Д. Арсеньева (позицию А. И. Винберга мы изложим в следующем разделе нашей работы). В статье «Криминалистическая одорология и доказательственное право» им высказаны два основных положения.

Положение первое: действия собаки есть факт, то есть доказательственный факт, и как таковой он принадлежит к бесчисленному и не перечисленному в УПК кругу фактов, могущих быть судебными доказательствами. Рассмотрим это утверждение.

Да, действительно, поведение собаки — факт реальной жизни и не исключено, что как таковой он может фигурировать в уголовном процессе при расследовании или судебном разбирательстве конкретного дела в качестве судебного доказательства. Практика знает такие случаи. В 1925 году за подписью П. И. Стучки главсудам, крайсудам и губсудам было направлено «Инструктивное письмо Верхсуда РСФСР № 2». В этом письме при разборе одного сложного дела об убийстве в качестве положительного примера пользования косвенными уликами отмечено, что в цепи других доказательств (улик) вины осужденных совершенно обоснованно учтены данные о поведении двух собак, находившихся во дворе дома, где совершено преступление: посторонних людей они всегда встречали громким лаем, а в момент налета бандитов молчали — значит среди преступников были люди хорошо их знавшие. Аналогичные случаи знает следственная и судебная практика наших дней. Таким образом ни у кого не вызывало и не вызывает сомнений, что в принципе поведение собаки, как и любой иной факт реальной жизни, при определенных условиях (будучи установленным, например, свидетельскими показаниями и признанным относимым к делу) правомерно может быть использован в качестве судебного доказательства.

Однако понятно, что разговор идет совсем не о таких случаях. Делать же акцент на то, что поведение собаки — всегда реальная действительность, всегда факт, оставляя вне поля зрения остальные вопросы, это значит подменить в дискуссии тезис уйти от обсуждаемой проблемы. (Вряд ли в настоя-

щее время кому-либо из советских криминалистов — в том числе и нашему оппоненту — придет мысль рекомендовать в качестве судебных доказательств наличие агентурных данных. Но ведь это тоже факты?).

Речь идет о **применении** служебно-розыскных собак в процессе расследования конкретных преступлений лицами, призванными к их раскрытию и расследованию. Собака **применяется** ими **со специальной целью** найти вещественные доказательства, имеющие значение для дела, обнаружить и задержать преступника и т. д. Вот в этих-то случаях поведение ищейки, используемой инструктором служебного собаководства (в процессуальном отношении он выступает как специалист — технический помощник следователя), рассматриваться как судебное доказательство никак не может... если, разумеется, не входить в конфликт с законом. Нельзя забывать, что факты (сведения о фактах, фактические данные) могут приобрести статус судебного доказательства лишь в случаях, если они установлены средствами, исчерпывающе предусмотренными законом — формализм, в котором воплощены демократизм нашего уголовного процесса помноженный на многовековую практику уголовного судопроизводства.

Второе положение: «выборка» собакой того или иного объекта по запаху наиболее близка акту опознания. Аналогия, на наш взгляд, неуместная, недоказанная и ничего не доказывающая. Опознание — следственное действие. «Выборка» по запаху с помощью собаки-ищейки, как следственное действие, нам не известна. Опознает человек, обладающий разумом и совестью, подчиняющийся правовым и нравственным нормам, несущий ответственность за свои действия. При «выборке» действует собака... При всем нашем к ней уважении — это все-таки только пес. Не более.

8. ИЗОБРЕТЕНИЕ СПОСОБА КОНСЕРВИРОВАНИЯ ЗАПАХА. ДИСКУССИЯ*

В 1965 году Государственный комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал авторское свидетельство группе криминалистов, представивших описание способа отбора и хранения воздуха с молекулами запаха. Изобретение позволяет применять служебно-розыскную собаку практически через любое время после консервирования запаха. Этим самым значительно расширяются возможности использования собаки-ищейки в процессе проведения различного рода оперативно-розыскных мероприятий.

Консервирование запаха производится с помощью несложного прибора отбора запахов (ПОЗ). Этот прибор состоит из полиэтиленовой фляги (они могут быть разной емкости, но с герметически закрывающимися горловинами) и медицинского шприца, с объемом 20 куб. см или ветеринарного шприца, объемом 150 куб. см. Шприцем забирается запах с поверхности различных вещей и предметов, обнаруженных на месте происшествия, а также с поверхности грунта и пола, где больше всего находился преступник, например, около взломанного сейфа, кассы, дверей, окон, проделанных подкопов и со следовой дорожки ног преступника.

Шприц в этом случае следует держать в 1 см от отпечатка следа (вещи). После того, как запах будет взят, он из шприца перекачивается во флягу, горловину которой немедленно герметически закрывают. Лучше всего производить консервирование запаха с помощью шприца, сразу же перекачивая взятый воздух в стеклянную посуду. Закрыв ПОЗ проб-

* В этом разделе работы использованы материалы, подготовленные совместно с В. С. Абраменковой, Е. Д. Горобец и А. Н. Копьевой.

кой и залив парафином, запах можно хранить в обычных условиях длительное время. Весьма удобно забор запаха производить непосредственно полиэтиленовой флягой, производя несколько надавливаний на корпус фляги так, чтобы происходило засасывание воздуха с запахом следа. Необходимо запах изымать с различных мест, причем с одного места лучше всего иметь запах не менее чем в двух флягах. Забор запаха целесообразно производить в резиновых перчатках с применением пинцета, чтобы не оставлять своего запаха. С целью усиления концентрации забранного запаха рекомендуется в полиэтиленовую флягу поместить при помощи пинцета кусочки ваты или марли, которые в дальнейшем используются для занюхивания их розыскными собаками при работе по следу или проведении «выборки»[50].

Эксперименты позволили установить минимальный объем запаха, по которому служебно-розыскные собаки способны работать — один кубический сантиметр воздуха с молекулами запаха.

Изобретатели предложили и другой способ забора запаха следа (вещи) — путем плотного наложения на отпечаток следа салфетки, которую удерживают пинцетом в течение 3—

---

[50] В различных отраслях науки и техники способы забора проб воздуха для последующего физико-химического исследования, в частности, на различные посторонние примеси, известны давно. Применяемые для этого технические средства многообразны — от пылесосов, нагнетающих воздух в футбольные камеры, до сложных автоматически действующих устройств.

Для забора проб воздуха с целью обнаружения и исследования запахов тела человека криминалисты ГДР применяют так называемую «газовую мышь». Этот прибор представляет собой стеклянный цилиндр, у которого имеется два крана — нижний и верхний. Цилиндр заполняется водой. Чтобы взять пробу воздуха, воду из цилиндра выливают через нижний кран. Одновременно цилиндр заполняется воздухом через верхний кран. Когда операция закончена оба крана закрываются и заклеиваются. Этот способ намного предпочтительнее, предложенного нашими криминалистами. В отличии от полиэтиленовых фляжек стекло практически не адсорбирует вещества, находящиеся в газообразном состоянии, и само не имеет запаха. Кроме того при использовании «газовой мыши» удобно регулировать скорость заполнения цилиндра воздухом, избегая нежелательной турбулентности.

В комплект следственных сумок, которые используют в своей работе криминалисты ФРГ и ряда других государств, входит специальный контейнер для «консервирования» запахов, изъятых при осмотре места происшествия. Эти контейнеры представляют собой емкости, изготовленные из легких и прочных металлов (дюраллюминий), с герметически закрывающимися крышками и приспособлением, позволяющим вводить в контейнер пробу воздуха, предварительно взятого с помощью шприца.

5 минут, а затем помещают в полиэтиленовую флягу или стеклянную банку с притертой пробкой. Авторы не исключают возможность консервирования запаха непосредственно вместе с предметом — носителем этого запаха. Для этого они рекомендуют поместить такой предмет в полиэтиленовый или хлорвиниловый мешочек и герметически этот мешочек закрыть, чтобы воздух с молекулами запаха не рассеивался.

С изобретением способа отбора и консервирования запаха связана острая дискуссия «о судебной одорологии», затронувшая ряд вопросов, имеющих как теоретический, так и практический интерес. Мы остановимся на некоторых из них. Небезынтересно также восстановить некоторые обстоятельства самой полемики, поскольку в пылу спора порой забывают о его предмете.

Впервые о судебной одорологии, как «новом направлении в криминалистике» для широкого сведения сообщил журнал «Социалистическая законность». В краткой заметке указывалось о способе консервирования запаха человека. Отмечалось, что реализация сделанного предложения позволит использовать такие «консервы» для выборки людей (подозреваемых, обвиняемых), с помощью собаки-ищейки, практически через любой промежуток времени. Подчеркивалось, что одорология при расследовании преступлений должна применяться в рамках строжайшего соблюдения законности, а «идентификация по запаху должна рассматриваться лишь как одно из средств обнаружения и закрепления доказательств»[51].

Последний тезис, несмотря на некоторую двусмысленность и нечеткость, сам по себе возражений не вызывал — служебные собаки издавна применяются в борьбе с преступностью, и их поведение всегда рассматривалось лишь как определенное указание, ориентир для целенаправленного проведения тех или иных следственных действий для «обнаружения и закрепления доказательств», но никогда (!) в качестве факта, имеющего самостоятельное уголовно-процессуальное значение. Подкупало также и то, что авторы связывали возможность «одорологического опознания» с разработкой в будущем основ одорологической экспертизы, как вида криминали-

---

[51] См. В. Безруков, А. Винберг, М. Майоров, Р. Тодоров. Новое в криминалистике. «Социалистическая законность», 1965, № 10.

стической экспертизы, призванной идентифицировать объекты по запаху с помощью электронных и других приборов. Ни что, таким образом, не предвещало, что «новое направление» в криминалистике будет встречено критически. Так оно, видимо, и было бы, если бы ни одно существенное обстоятельство.

Одновременно с указанной публикацией—и после этого—в ряде изданий проф. А. И. Винберг выступил со статьями, в которых изложил фактически совершенно иную концепцию судебной одорологии.

Суть позиции А. И. Винберга сводится к следующему: положительные результаты выборки собакой по запаху подозреваемых или принадлежащих им предметов, нашедшие отражение в соответствующей справке должностного лица, организовавшего выборку, следует рассматривать в качестве судебного доказательства, как разновидность документов, о которых говорится в ст. 88 УПК РСФСР; в этом же случае (положительные результаты выборки), емкости, содержащие изъятый на месте происшествия воздух с молекулами запаха преступника, приобщаются к делу в качестве вещественного доказательства. С удовлетворением отметив сильное психологическое воздействие, которое оказывает процедура «выборки» на подозреваемого, автор оставил в стороне вопрос — и это характерно — о том, что ищейка в роли отводимой ей, выступает в качестве тяжелой «психологической дубинки», могущей сокрушить невиновного.

Напомним положения, на которых базируется процессуальная новелла А. И. Винберга. Их два. Первое — запах каждого человека индивидуален и в своей индивидуальности неповторим. Второе — индивидуальный запах каждого человека со временем не изменяется, сохраняет свою первоначальную индивидуальность

Как известно, осуществление в нашей стране действенных мер по ликвидации преступности и причин, ее порождающих, основано на праве и осуществляется только законными способами и методами. И это не проявление нашей слабости, не «уступка» правонарушителям. Именно эта принципиальная и последовательно проводимая в жизнь позиция в конечном итоге и обусловливает наши успехи в деле борьбы с преступностью. Понятно, что процессуальная новелла А. И. Винберга, как не отвечающая этим требованиям, не могла не встретить резко отрицательной оценки.

Несогласие с его рекомендациями высказали многие про-

цессуалисты, криминалисты, практические работники: В. Я. Дорохов (1970), А. Н. Копьева, В. С. Абраменкова, Е. Д. Горобец (1974), Э. Ф. Куцова (1972), Х. Линдмяэ (1970), М. Г. Майоров (1970), Г. А. Самойлов (1971), М. С. Строгович (1970, 1971, 1973), Н. Н. Тарнаев (1973), А. И. Трусов (1966), Д. А. Турчин (1973), Б. В. Фуфыгин (1972), П. П. Цветков (1970, 1973), В. И. Шиканов (1969, 1970, 1971, 1972, 1973), А. Р. Шляхов (1970), М. И. Якунин (1970) и др. Приведем некоторые выдержки из этой критики, начав с положений непосредственно связанных с процессуальным аспектом дискутируемой проблемы.

«Винберг допускает ошибку. Он тщательно пытается найти процессуальные формы для таких действий, природа которых не носит процессуального, т. е. уголовно-судебного характера» (доцент А. И. Трусов). «Упрощенный порядок и механическое подведение под те или иные нормы УПК выборок с помощью собак не может, разумеется, обеспечить достаточных гарантий и режима законности (доцент М. Г. Майоров). «Использование в качестве источника доказательств «одорологической» справки по аналогии со справкой о принадлежности пальцев конкретному лицу вряд ли допустимо... правильность сведений о принадлежности отпечатков конкретному лицу, проверяется путем проведения дактилоскопической экспертизы. Объективных же способов проверки правильности «выборки» человека собакой в настоящее время не существует» (доцент П. П. Цветков). «Поведение собаки ни при каких условиях не может рассматриваться в качестве судебного доказательства. Та информация, которую получают от собаки, не удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к судебному доказательству. Она исходит от источника, за которым закон не признает значения источника доказательств, и не образует содержания ни одного из предусмотренных законом видов доказательств» (доцент В. Я. Дорохов). «Наибольшую опасность здесь представляет наметившаяся у некоторых практических работников ошибочная тенденция рассматривать одорологическую выборку как одно из средств доказывания по уголовному делу, тем более что уже сделана попытка подвести под это теоретическую базу...» (доцент М. И. Якунин). «...Некоторые следователи, судьи сочли **допустимым** придать одорологической идентификации (выборке, произведенной собакой) значение **доказательства,** а некоторые представители правовой теории использовали это для обоснования **правомерности** применения названного

метода для получения доказательств. И то и другое не согласуется с требованием обязательности закона: в соответствии со ст. 16 Основ доказательствами могут быть фактические данные, полученные из предусмотренных законом источников. Криминалистическая же одорология в числе таких источников не предусмотрена. Таким образом, даже если будет признано, что введение названного метода в следственную практику послужит установлению истины, — использование такого метода для получения доказательств станет допустимым **при условии** соответствующего дополнения закона. Иное не согласуется со свойственными социалистическому правосознанию взглядами об абсолютной обязательности правовых норм» (доцент Э. Ф. Куцова) и т. д.

Но дает ли основания пересмотреть «процессуальный статус» служебно-розыскной собаки способ консервирования запахов, предложенный авторским коллективом? Этот вопрос также привлек внимание оппонентов А. И. Винберга. На него дан, как нам представляется, достаточно убедительный отрицательный ответ. «Мы научились консервировать запахи, которые можно использовать даже через три года. Это очень важное достижение, но влияет оно на процессуальную сторону вопроса? Мне, кажется, не влияет, поэтому ставить вопрос о признании поведения собаки доказательством нельзя» (доктор юридических наук З. М. Соколовский). «Даже в тех случаях когда собаку применяли непосредственно на месте происшествия, и она, «взяв след», приводила по «запаховой дорожке» к тому или иному лицу или объекту, факт этот не рассматривался как судебное доказательство—слишком хорошо известно, насколько неосмотрительно доверять собаке, действующей с учетом нами неведомых признаков-невидимок и нами неконтролируемых побуждений... В настоящее время предложен способ консервирования запаха, изъятого на месте происшествия... Дает ли это изобретение повод по-новому оценить процессуальную сторону вопроса и войти, как это предлагается, с предложением об изменении процессуального закона? По нашему мнению, ответ может быть только отрицательный. В сравнении с «традиционным» применением ищейки (когда проводник имеет возможность наблюдать поведение собаки, идущей по «запаховой дорожке») результаты одорологических выборок, тем более, не могут рассматриваться как имеющие доказательственное значение, поскольку в этих случаях возможность неконтролируемых

ошибок значительно возрастает» (доцент В. И. Шиканов) и т. д.

Резко отрицательная оценка была дана и рекомендациям предъявлять на выборку собаке-ищейке людей — подозреваемых, обвиняемых. «Получившую практическое применение одорологическую выборку людей вряд ли можно признать правомерной... По нашему мнению, есть все основания полагать, что одорологическая выборка людей является прямым нарушением указаний уголовно-процессуального закона (статья 183 УПК РСФСР), запрещающего производить в процессе предварительного расследования эксперименты, унижающие достоинство участвующих в них лиц и создающие опасность для их здоровья» (доцент М. И. Якунин) и т. д.

Ряд авторов не без оснований указывало на преждевременность утверждений о якобы «новом направлении» в криминалистике и тем более о пополнении криминалистической техники ее новым разделом — криминалистической (судебной) одорологией. «Пока криминалистическая одорология основана на использовании собак, вряд ли ее вообще можно назвать криминалистической. Мы, криминалисты, еще ни разу не входили в судебный процесс без достаточно проверенных технических рекомендаций» (доктор юридических наук А. Р. Шляхов). Такого же взгляда придерживается Б. В. Фуфыгин, пришедший к выводу, что в нынешнем виде одорологию нельзя называть судебной, поскольку это может привести к серьезным ошибкам на практике.

И тем не менее, несмотря на эти многочисленные выступления юридическая общественность о сущности «нового направления» в криминалистике фактически осведомлена не была, а приведенная оценка процессуальной новеллы А. И. Винберга не получила широкой огласки. Кое-где его рекомендации стали применяться на практике[52]. Создавшемуся положению способствовали многие обстоятельства: с одной стороны — научный авторитет автора, а также восторжен-

---

52 Печально известны результаты выборки по запаху, проведенной при расследовании одного уголовного дела в Крымской области. Ищейка облаяла — а заодно и два раза укусила — человека, не имевшего к расследуемому событию ни малейшего отношения (выяснилось это, разумеется, значительно позднее, а до этого «подозреваемый» пережил немало драматических минут). Лица, осуществившие эти незаконные действия строго наказаны Почему же «ошиблась» собака? Оказалось, что в момент выборки у «подозреваемого» в кармане брюк лежала сушеная вобла. Запах этого лакомства, видимо, и привлек ее внимание.

ные — и столь же необоснованные — высказывания о возможностях «криминалистической одорологии», которые охотно публиковали популярные научно-технические издания и пресса; с другой — недостаточная осведомленность о критике его предложений, поскольку подавляющее большинство соответствующих выступлений было опубликовано преимущественно в изданиях доступных ограниченному кругу лиц, и некоторые другие причины.

Сильное впечатление произвела на читателей статья, в которой А. И. Винберг разъяснил, что поставил перед собой задачу изложить положения нового раздела науки криминалистики, получившего в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР название «криминалистической одорологии». Указание о получении авторского свидетельства, налет некой таинственности, недомолвки и создавалось впечатление—независимо от того, хотел этого автор или нет — что и все его процессуальные рекомендации апробированы столь высоким и авторитетным органом[53]. Сыграли также свою роль упоминания о результатах «двух тысяч экспериментов, проведенных по специально разработанной программе», ссылки на судебную практику, в частности, на ряд дел об убийствах, по которым суды приняли в качестве доказательств протоколы с указанием о положительных результатах «выборок» подозреваемых по запаху с помощью собак-ищеек, а также авторитет Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, якобы, давшего заключение относительно обоснованности сделанных автором предложений. (На самом деле весь этот антураж не имел под собой достаточных оснований).

При создавшемся положении процессуальной новелле А. И. Винберга необходимо было дать оценку — широко и гласно — с принципиальных партийных позиций. Эту далеко нелегкую задачу взял на себя крупнейший советский правовед, глава советской школы процессуалистов, член-корреспондент АН СССР, профессор М. С. Строгович. В статье специально посвященной этому вопросу он в остро-полемической форме обоснованно показал незаконность и опасность для дела правосудия процессуальных рекомендаций

---

[53] См. А. И. Винберг. Криминалистическая одорология. В кн. Криминалистика на службе следствия, Вильнюс, 1967.

А. И. Винберга[54]. Статья эта сразу же привлекла внимание широкой общественности.

«Литературная газета» посвятила выступлению М. С. Строговича редакционную заметку. При этом, в отличие от солидного юридического журнала, газета очень точно подметила суть проблемы, существо разногласий[55]. «Авторы полемических статей, опубликованных в сборнике Иркутского университета, — пишет автор заметки, — не отрицают роли использования собаки в розыскных целях. Резкие возражения вызывает у них тенденция «рассматривать положительные результаты такого одорологического эксперимента в качестве судебного доказательства»... Пафос полемических выступлений направлен на то, чтобы указание собаки-ищейки на определенное лицо не квалифицировалось как **судебное доказательство.** Тем более, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве такое доказательство не предусмотрено»[56].

В следующем номере газета вновь обращается к процессуальному аспекту методов «криминалистической одорологии», поместив интервью своего корреспондента с проф. Г. А. Самойловым. Видный криминалист исчерпывающе определил свою позицию следующими словами: «Даже хорошая, тренированная служебно-розыскная собака изредка ошибается, и нам не известно, когда и по какой причине это может произойти. Можно ли принимать во внимание показания такого «прибора» в качестве судебного доказательства?»[57].

Рекомендуя читателю обратиться непосредственно к названной работе М. С. Строговича мы не будем пересказывать ее содержание. Отметим лишь следующее. Анализируя позицию А. И. Винберга, автор с полным основанием поставил вопрос о пересмотре Государственным комитетом по

---

[54] См.: М. С. Строгович. О криминалистической одорологии. В кн. Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970.

[55] На страницах журнала «Социалистическая законность» было опубликовано несколько статей по вопросам «судебной одорологии», в том числе статьи криминалистов А. И. Винберга и Н. Т. Малаховской. Они оказались далекими от основного предмета спора. Процессуалисты к этому разговору приглашены не были и дискуссия не стала плодотворной.

[56] Можно ли доверяться собаке-ищейке? «Литературная газета», 1971, 11 августа.

[57] Нужна ли следователю кибернетика? «Литературная газета», 1971, 18 августа.

изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР своего решения о выдаче авторского свидетельства группе криминалистов, **если действительно это свидетельство** — как это вытекает из статьи А. И. Винберга — **затрагивает решение процессуальных вопросов, не находящихся в пределах компентенции этого органа, и вопреки закону придает указаниям собаки силу судебного доказательства.**

Остановимся теперь кратко на некоторых вопросах, по которым в процессе дискуссии были высказаны различные точки зрения.

Индивидуален ли запах каждого человека?

Нет никаких сомнений, что организм каждого человека выделяет в окружающую среду запах, обычно в той или иной степени отличный от запаха других людей, что и дает возможность в ряде случаев собаке выслеживать человека по его следу. Речь, однако, идет не о попытках поставить под сомнение указанное положение, а о практической возможности «персонального» опознания человека по его запаху на данном этапе развития науки и техники, опознания достоверном, объективном. Вот по этому вопросу и дают отрицательный ответ ученые, критикующие позицию А. И. Винберга.

В работе Райта, которую охотно цитирует А. И. Винберг, автор, описывая опыты Калмуса, показывает, что даже в идеальных условиях эксперимента далеко не всегда можно рассчитывать на «персональное» опознание с помощью собаки человека или принадлежащих ему предметов. В этих опытах принимали участие близнецы. При этом, если собаке давали почувствовать запах одного из них, собака прекрасно шла по следу другого[58]. В другом опыте собаки выбирали платок однако из близнецов, тогда как им давали понюхать руку другого. Если среди нескольких контрольных платков помещали два носовых платка и каждый из них трогал лишь один близнец, собака неизменно приносила тот из двух платков, который попадался ей первым[59].

Таким образом при «выборке» по запаху людей или предметов собака может довольствоваться не только фактом совпадения — в том числе и совершенно случайного совпадения — отдельных компонентов запаха заданного и запаха

---

[58] Р. Х. Райт. Наука о запахах. М., 1966, стр. 101.
[59] Р. Х. Райт. Наука о запахах. М., 1966, стр. 99.

искомого, но и учитывать как «искомый» запах лишь более или менее с ним близкий, сходный. Это предопределяет неконтролируемые экспериментатором ошибки. Возможность таковых усугубляется системой дрессировки собак, поскольку у них вырабатывается твердая установка на обязательное нахождение человека или предмета среди других представленных им на «выборку» (ситуация принудительного выбора).

О «неизменяемости» запаха человека

Глубоко прав М. С. Строгович, утверждая, что ничем и никем не доказано, что запах, свойственный данному человеку, с течением времени не меняется. Это решительно ниоткуда не вытекает и ничем не подтверждается[60].

Запах человека далеко не постоянен и существенно изменяется, так как количество и качество его компонентов зависят от многих изменяющихся условий и факторов, например, от изменений в деятельности органов внутренней секреции и многих других причин, не поддающихся учету. Этот тезис нетрудно доказать, оперируя аргументами А. И. Винберга. Он, в частности, указывает, что источником индивидуального запаха человека служат «выделяемые железами пот и сало». Однако, проф Л. Крушинский, на авторитет которого ссылается А. И. Винберг, утверждает, что «химический состав пота непостоянен, он может меняться в зависимости от интенсивности обмена веществ в организме, заболевания отдельных органов, изменения пищи, приема человеком лекарств и других причин»[61]. О каком же постоянстве и неизменяемости запаха человека можно говорить? Это обстоятельство — изменение запаха человека в зависимости от указанных и других факторов — точно подметил Б. Фуфыгин[62].

Таким образом, предпосылки, из которых исходит А. И. Винберг при конструировании своей концепции «судебной одорологии», при ближайшем рассмотрении, оказываются произвольными и научно необоснованными.

---

[60] См.: М. С. Строгович. О криминалистической одорологии. В кн. Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970, стр. 126.

[61] Л. Крушинский и др. Служебная собака. М., 1952, стр. 272.

[62] Б. Фуфыгин. Судебная одорология в следственной практике. «Социалистическая законность», 1972, № 3, стр. 59.

О процессуальной форме исследования запахов на идентичность

Для анализа и сравнительного исследования воздуха с молекулами пахучих веществ (запаха) нужны глубокие специальные познания в целом ряде областей науки, большая специальная подготовка. Это тем более необходимо, если ставится задача провести столь сложное исследование, каким безусловно является исследование объектов на идентичность по их запаху. Вряд ли можно оспорить это положение. В соответствующих случаях действующее уголовно-процессуальное законодательство предписывает назначение и производство экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Правило это не знает исключений.

Разумеется, экспертное исследование не может быть назначено и осуществлено, если уровень развития науки и техники еще не дает оснований и возможности провести необходимые исследования. В нашем случае как раз такая ситуация — ни одна криминалистическая лаборатория или иное научное учреждение еще не объявило о готовности проводить количественный и качественный анализ запаха, идентифицировать объекты по запаху и т. д. Пока это еще дело будущего.

Но может быть эксперты могут использовать в качестве «живого прибора» обонятельный анализатор (органы обоняния) собаки-ищейки? Думаем, что на этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Приведем в связи с этим мнение доцента З. И. Кирсанова, высказанное им на научно-теоретической конференции по вопросам судебной одорологии (1970). «Биологические системы можно, конечно, использовать в качестве составной части приборов, разрабатываемых на принципах бионики. Но такого рода приборы могут применяться в уголовном судопроизводстве лишь при условии, если будут известны объективные методы оценки поведения животного или насекомого». Таких приборов, к сожалению, пока еще не создано. Правда, имеются сообщения об использовании обонятельного аппарата некоторых насекомых, в частности, мух, которые выполняют в электронных приборах роль датчиков, чутко реагирующих на появление в окружающей среде определенных ядовитых газов, даже в ничтожно малой концентрации. Но собака животное, которое в отличии от насекомых слишком тонко и сложно органи-

зовано, чтобы в каждой повторяющейся ситуации давать своим поведением только однозначный ответ. (Указанное обстоятельство очень точно и определенно отметил Р. Х. Райт). Таким образом собака в качестве «инструмента», «прибора» эксперта выступать не может. Как, разумеется, и сама собака ни при каких условиях не может стать «экспертом», даже если и читать ей выдержки из цитатника «великого кормчего»[63].

Является ли запах вещественным доказательством?

Процессуальная новелла А. И. Винберга неприемлема еще и потому, что несостоятельны его рассуждения о возможности признания воздуха с молекулами запаха, изъятого на месте происшествия, в качестве вещественного доказательства.

Общепризнанно, что осмотр каждого объекта — вещественного доказательства (а осмотрено вещественное доказательство должно быть непременно) проходит три тесно между собой связанных стадии. Эти стадии осмотра последовательно направлены на установление функциональных особенностей объекта, особенностей, которые его индивидуализируют среди других однородных объектов, и особенностей, свидетельствующих о причинной связи объекта — вещественного доказательства с расследуемым событием. Пробы воздуха, изымаемые на месте происшествия согласно предложенной методике — не являются вещественным доказательством, так как в этом случае свойства и сами молекулы запаха не воспринимаются следователем и понятными непосредственно и не могут быть отражены в протоколе осмотра. Кстати, даже в условиях кажущейся очевидности, в пробах воздуха, изъятых на месте преступления, может и не оказаться пахучих веществ, принадлежащих преступнику. Например, обнаружен четкий и недавно оставленный след ноги человека, который по обстоятельствам дела бесспорно оставлен правонарушителем. Однако, беря пробу воздуха с поверхности этого следа, нельзя быть уверенным, что изымаешь «запаховый след» преступника — последний мог быть в резиновой или новой обуви, еще не пропитавшейся его запахом.

---

[63] В современном Китае, где «культурная революция» оказала свое пагубное влияние и на юриспруденцию, бытует термин — «собака-эксперт». Абсурдность и зловещий смысл такого положения собаки-ищейки в уголовном процессе очевидны.

Является ли доказательством справка о применении собаки-ищейки?

Как известно, документы в уголовном процессе выступают в качестве судебных доказательств, в случаях когда обстоятельства и факты, удостоверенные или изложенные учреждениями, организациями, должностными лицами или гражданами имеют значение для уголовного дела (ст. 88 УПК РСФСР). Поскольку справка о результатах применения ищейки, составленная ее проводником, удостоверяет определенные сведения о фактах, которые могут иметь отношение к делу, на первый взгляд может показаться, что она действительно имеет значение судебного доказательства. Так это и считает А. И. Винберг. При этом он допускает, что собака, которая производит «выборку» может в отдельных случаях ошибиться, но не усматривает в этом препятствия для реализации на практике своего предложения, поскольку и другие виды судебных доказательств не застрахованы полностью от ошибок. Все дело по мнению этого автора во всесторонней оценке доказательств в их совокупности. В принципе этот тезис верен, однако, применительно к нашему случаю нельзя упускать из вида следующее обстоятельство.

Прежде чем производить оценку доказательств в их совокупности, надлежит проверить каждое из доказательств этой совокупности. Проверка же любого вида судебного доказательства обязательно должна включать в себя: во-первых, получение и исследование дополнительных данных для установления достоверности уже имеющихся доказательств; во-вторых, исследование самого доказательства, которое проверяется. Если признать справку о результатах «выборки» собакой объектов по запаху судебным доказательством, то сказанное в полной мере относится к проверке изложенных в ней фактов. Вот тут-то и возникают трудности, которые в анализируемой ситуации непреодолимы.

Собака-ищейка «работает» под руководством должностного лица — проводника. При необходимости последнего можно допросить об обстоятельствах применения ищейки. Но если нетрудно допросить проводника, то нельзя допросить собаку. Таким образом никто достоверно не сможет объяснить, почему в каждом конкретном случае собака вела себя так, а не иначе[64]. Собака не может объяснить, чем она руко-

[64] При расследовании одного сложного уголовного дела (Украинская

водствовалась при выслеживании и узнавании, ошиблась при этом или нет и т. д. Если ошибается свидетель, то, как правило, всегда можно установить причины такой ошибки. Свидетель может объяснить каждое свое утверждение, собаке этого не дано... Итак, и объективные и субъективные факторы могут повлиять на поведение собаки..., но мы не можем установить по каким причинам это произошло.

Противники использования результатов «выборки» собакой объектов по запаху в качестве судебного доказательства обычно ссылаются на **недопустимость** использования таких данных в указанном качестве[65]. Само по себе такая позиция правильна. Но не только и не столько это является препятствием к использованию справки о «выборке» в высоком ранге судебного доказательства.

Доказательство допустимо, если оно названо в законе. Как известно, закон упоминает «иные документы» (ст. 88 УПК РСФСР). Названная норма не содержит исчерпывающего перечня документов, которые являются доказательствами. Если отнести справку о результатах «выборки» к понятию «иные документы», то, казалось бы, ее можно считать допустимым в качестве судебного доказательства... Кроме того можно было бы дополнить закон указанием о признании названной справки судебным доказательством. В конце концов это дело законодательной техники. Но это — и это главное — ничего не может изменить по-существу.

Главным препятствием к признанию справки о «выборке» судебным доказательством является отсутствие у этого документа другого необходимого признака судебного доказательства — **относимости** к делу. Указанный признак, подчеркивая связь с искомым фактом, является важнейшим свой-

ССР) следователь предпринял попытку восполнить недостаточность информации, полученной в результате применения служебно-розыскной собаки, прибегнув к допросу ее проводника. Приводим выписку из подлинного протокола допроса:

«Вопрос: Вполне ли пригоден носовой платок для поиска лица, оставившего его?

Ответ: В каждом конкретном случае собака воспринимает запах по-разному. Некоторые запахи устойчивы, некоторые — совсем наоборот. У меня не было выбора, т. к. кроме платка мне не предложили никаких вещей исчезнувшего парня. Вот я и применил собаку от носового платка, а был ли его запах достаточен или нет, это знает только собака».

Комментарии, как говорится, излишни...

[65] См., например: Э. Ф. Куцова. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. МГУ, 1972, стр. 59—60.

ством доказательства в уголовном процессе. Относимость же сведений, содержащихся в справке о результатах одорологической «выборки» или ином применении служебно-розыскной собаки к доказываемому тезису всегда лишь проблематична.

Ни одно следственное действие не должно нарушать гарантий прав личности в советском уголовном процессе, интересы которой затрагиваются в ходе его производства. Личность должна быть гарантирована от необоснованного обвинения. Обвинение может быть основано только на достоверных, доброкачественных, относящихся к делу и допустимых законом доказательств. В далеком прошлом первые случаи использования собак в расследовании преступлений... Тем не менее собаки не усовершенствовали свой способ «узнавания» по запаху... По-прежнему верны слова одного из наших русских криминалистов. «Обонянием собаки нельзя заменить доказательств, чутье не может быть признано уликую, но как путник в темную ночь или залепляющую глаза метель доверяется инстинкту лошади, так и следователь при розысках преступника или похищенного может прибегнуть к чутью собаки, чтобы попытаться выйти на верную дорогу»[66].

И еще одно замечание.

Собака-ищейка всего лишь помощник, «живой прибор» в руках своего проводника. Проводник же служебно-розыскной собаки в процессуальном плане выступает в качестве специалиста-кинолога — технического помощника следователя и результаты его работы по общему правилу — правилу, которое также не знает исключений, — доказательственного значения в уголовном процессе не имеют и иметь не могут.

Поскольку применение служебно-розыскной собаки действие оперативно-розыскного характера, следует быть последовательными и установить правило, согласно которому справка о ее применении, составленная проводником, к материалам дела не приобщается. Хранить такую справку целесообразно в наблюдательном производстве.

В заключении несколько замечаний, также имеющих значение для дискутируемой проблемы.

1. Ознакомление с протоколами и другими материалами

---

[66] С. Н. Трегубов. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Практическое руководство для судебных следователей. Петроград, 1915, стр. 142.

экспериментов, поставленных В. В. Безруковым и другими членами авторского коллектива[67], убеждает, что проведена большая и важная работа, позволившая выяснить оптимальные режимы отбора, консервирования и хранения запахов, а также возможности использования служебно-розыскных собак для решения различного рода задач оперативно-розыскной работы в зависимости от самых различных погодных и других условий. Однако с учетом специфики задач, которые ставили перед собой исследователи, программа экспериментов **не предусматривала** проведение выборок людей и предметов в условиях, когда среди объектов, предъявляемых собаке, не было бы человека или предмета, оставившего «свой» запах на «месте происшествия», и находились бы люди или предметы, заведомо не имевшие отношения к «преступлению», но содержащие в «букете» своего запаха компоненты, совпадающие по своей одорологической характеристике с отдельными компонентами запаха, изъятого с «места происшествия».

Таким образом, опыты, поставленные авторским коллективом, ни в коей мере не опровергают и не могут опровергнуть (количество поставленных опытов здесь оказывается абсолютно ни при чем) экспериментально установленный факт: результаты выборки, осуществляемой служебно-розыскной собакой, могут быть обусловлены случайными факторами, которые выявить и устранить практически невозможно.

2. Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал авторское свидетельство группе криминалистов в связи с предложенным ими способом консервирования пахучих веществ (воздуха с молекулами запаха), изъятых на месте происшествия для использования их в борьбе с преступностью. Подчеркнем: речь идет о чисто **технической** стороне вопроса. Ни формула изобретения, ни содержание авторского свидетельства ни в коей мере не вторгаются в область уголовного процесса и доказательственного права. Не могут они знаменовать ни начала «нового направления в криминалистике», ни возможности отступлений в практической деятельности органов следствия от требований уголовно-процессуального закона.

То же самое можно сказать и в отношении «заключения» Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер

---

[67] Ни в одном из экспериментов проф. А. И. Винберг непосредственного участия не принимал.

предупреждения преступности. Ссылки на столь авторитетный научный центр не имеют под собой никаких оснований — в институте каких-либо исследований, связанных с вопросами одорологии не проводилось и упомянутого «заключения» просто не существует. Есть отзыв одного из сотрудников института — кандидата юридических наук Н. А. Селиванова (отзыв от 26 февраля 1965 года), в котором автор подчеркивает новизну предложенного способа консервирования запаха и предельно кратко и в самых общих чертах положительно расценивает перспективы этого новшества в борьбе с преступностью. В настоящее время профессор Н. А. Селиванов говорит об этих перспективах значительно сдержаннее[68].

3. Мы уже отмечали, что природа запаха и «механизм» его восприятия изучены еще недостаточно. Ряд свойств пахучих веществ, в частности, таких как их летучесть, растворимость, свойство диффузии, адсорбции, слияния (смешания) и взаимной компенсации существенно затрудняют сравнительное исследование запахов и тем более их исследование на идентичность. Естественно, сообщение о ранее неизвестном феномене запаха — его способности «освобождаться от случайных примесей»[69] — не могло не вызвать большого интереса, как имеющее практическое значение для криминалистики. Оказалось, однако, что это сообщение всего лишь недоразумение.

Осматривая 10 сентября 1965 года место убийства сторожа садового участка Бурова, следователь изъял в качестве вещественного доказательства орудие преступления — топор, рукоятку которого преступник, желая уничтожить отпечатки пальцев, протер тряпкой, смоченной в керосине. В последующие дни топор находился в помещении Клинского РОВД — без какой-либо упаковки лежал на подоконнике в комнате дежурного — до тех пор, пока 14 сентября не при-

---

68 См.: Н. Селиванов. Современные возможности исследования вещественных доказательств. «Социалистическая законность», 1972, № 3, стр. 32—33.

Нельзя не отметить и еще одно обстоятельство. Развиваемая названным автором в последнее время позиция, согласно которой принципиально невозможна идентификация объектов, находящихся в газообразном состоянии, противоречит идее идентификации объектов по запаху не только с помощью обоняния но и футуристическим прибором. (См.: Н. А. Селиванов. Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15, М., 1972).

69 Г. Миньковский, А. Эйсман. Спорное и бесспорное в теории доказательств. «Социалистическая законность», 1971, № 3, стр. 60.

был специалист и не поместил вещественное доказательство в полиэтиленовый пакет. Топор доставили в Москву и организовали одорологическую выборку вещей подозреваемого Дятлова, рассчитывая, что на топорище возможно сохранился запах преступника. Выборка прошла успешно — в несколько приемов две служебно-розыскные собаки среди других предметов выбрали трусы, рубашку и носки, принадлежащие подозреваемому[70]. Результаты одорологической выборки следователь использовал при допросе Дятлова и он признался в совершении преступления.

Объясняя каким образом на топорище при неблагоприятных условиях столь длительное время мог сохраниться запах преступника. В. В. Безруков на научно-теоретической конференции по вопросам судебной одорологии (1970) высказал **предположение**, согласно которому запах керосина за четверо суток испарился, а в потожировых пальцевых отпечатках рук Дятлова его пахучие вещества сохранились, т. к. «слой керосина на топорище явился, по-видимому, своеобразной защитной пленкой и предохранил запах потожирового слоя от испарения». Подчеркнем — В. В. Безруков высказал лишь предположение, не больше[71]. Тем не менее А. И. Винберг счел возможным на страницах журнала «Социалистическая законность» написать об этом обстоятельстве как о бесспорно установленном факте, а Г. М. Миньковский и А. А. Эйсман безапелляционно заявили, что установлена соответствующая закономерность.

Любой дискуссии свойственны столкновение крайних,

---

[70] Указанные вещи Дятлова доставили в Москву из Клина, где подозреваемый содержался в камере предварительного заключения.

[71] По данным В. В. Безрукова, лично поставившим многочисленные эксперименты, на предметах, которые непродолжительное время находились в руках человека, его пахучие вещества даже при благоприятных условиях сохраняются в концентрации, пригодной для одорологической выборки только сутки.

В настоящее время трудно с определенностью сказать, почему собаки выбрали среди других предметов одежду, принадлежащую Дятлову. Эксперименты, поставленные на юридическом факультете Иркутского университета, позволяют нам высказать предположение, что положительные результаты выборки были обусловлены наличием на одежде подозреваемого — как и на топорище — запаха керосина.

Если вещи Дятлова были доставлены в Москву в полиэтиленовой упаковке, возможно еще одно объяснение: обоняние собаки уловило в заданном ей запахе (топор находился в полиэтиленовом пакете) и на вещах подозреваемого запах, свойственный изделиям из этого синтетического материала.

взаимоисключающих взглядов, эмоциональная приподнятость, порой и определенная резкость суждений. Мы не видим в этом ничего плохого. Анемичность, пассивность, по нашему мнению, дискуссии противопоказаны. Чрезвычайно важно, однако, чтобы каждый участник дискуссии был предельно точным при изложении фактов. Факты — как бы эмоционально они не были приподнесены — не могут, не должны искажаться.

* *
*

На научно-теоретической конференции, посвященной вопросам судебной одорологии (1970), крупнейший специалист в области физической химии член-корреспондент АН СССР В. Л. Тальрозе заметил, что в области понятия запаха очень много «досужих выдумок». При использовании достижений науки о запахах в уголовном судопроизводстве это обстоятельство нельзя не учитывать.

9. ТОЧКА ЗРЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Для решения любого теоретического вопроса существенное, а нередко и решающее значение, имеет точка зрения практики. Имея в виду это обстоятельство, а также многочисленные ссылки А. И. Винберга и некоторых других авторов на судебную практику — и прежде всего практику Московского областного суда — которая, якобы, рассматривает результаты одорологических выборок как полноценные судебные доказательства, попытаемся выяснить, какова по этому вопросу позиция высших судебных инстанций.

Мы изучили — в доступных нам пределах — соответствующие уголовные дела. Отметим сразу — достаточных оснований у А. И. Винберга для указанных выше ссылок на судебную практику не было.

Вот уголовное дело Пивнева, осужденного Московским областным судом за умышленное убийство своего шестилетнего сына Славы (дело это особенно часто упоминается в подтверждении процессуальных рекомендаций А. И. Винберга). В определении Верховного Суда РСФСР по этому делу читаем следующее: «Судебная коллегия, проверив материалы дела и обсудив доводы кассационных жалоб, находит, что вина Пивнева в умышленном убийстве своего сына Славы, кроме его личных объяснений, доказана протоколом выезда на место преступления, протоколом осмотра места происшествия, а также показаниями свидетеля Новикова, опознавшего Пивнева за человека, убегавшего с места преступления вечером 20 июля 1965 года». (Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1965 года. Дело № 4-ск5-1965). И никакого, хотя бы косвенного, упоминания одорологических выборок, проводившихся на предварительном следствии. Никакого. Таков итог. Тот

же, кто анализирует судебную практику, и тем более, подкрепляет ссылками на судебную практику свои теоретические разработки и предложения, конечно же, должен прежде всего принимать во внимание конечные результаты рассмотрения в судебных инстанциях конкретных уголовных дел, и уж во всяком случае не замалчивать их.

Вот уголовное дело Омеленьчука, рассмотренное Иркутским областным судом. По приговору суда Омеленьчук осужден за мужеложество, совершенное с применением физического насилия, в отношении Зеленцова Славы, 6 лет, и за умышленное убийство потерпевшего с целью облегчить и скрыть это преступление. В приговоре суда находим упоминание о том, что на месте происшествия применили служебно-розыскную собаку и последняя привела к дому Омеленьчука. В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР (определение от 29 августа 1972 года № 66-ск 72-197) среди ссылок на доказательства, подтверждающие вину осужденного, никаких упоминаний о применении собаки-ищейки нет. Более того. Судебная коллегия указала на грубую ошибку суда первой инстанции, упомянувшего в приговоре результаты этого оперативно-розыскного действия и предложила обсудить это нарушение закона на оперативном совещании судей Иркутского областного суда.

Еще более характерно в этом отношении дело Аверьянова. Он обвинялся в тяжком преступлении — изнасиловании десятилетней девочки. Основным доказательством вины Аверьянова послужили действия собаки-ищейки, приведшей к его дому, а в этом доме — к кровати, где он обычно спал. Верховный суд Карельской АССР вынес по этому делу оправдательный приговор, исключим из числа доказательств ссылки на результаты применения служебной собаки[72]. Прокурор Карельской АССР на оправдательный приговор суда принес протест. В этом документе, в частности, указывается следующее:

«При выходе на место происшествия установлено, что на снегу, где было совершено изнасилование, никаких других следов, кроме следов преступника и потерпевшей, не было. Это обстоятельство дало возможность применить служебно-розыскную собаку.

---

[72] Дело Аверьянова подробно освещено в печати. См.: Н. Г. Алишунаст-Левина, В. И. Шиканов. Об использовании собак-ищеек в следственной работе. В кн. Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1970, стр. 149—159.

Служебно-розыскная собака была доставлена на место происшествия в 3 часа 30 минут ночи 25 марта 1963 года. Активно взяв след, собака пересекла линию железной дороги, затем пересекла улицу Анохина, вышла на улицу 23-го июня, прошла по этой улице к дому № 11, где проживала мать и сын Аверьяновы, сама открыла калитку, вошла во двор, зашла в дом, подошла к одной из двух кроватей и остановилась. Хозяйка квартиры Аверьянова на заданный ей вопрос ответила, что на этой кровати спит ее сын Аверьянов Анатолий, который к 12 часам ночи ушел на работу в ночную смену. О применении служебно-розыскной собаки инструктором-собаководом Лахмутовым был составлен акт, который подписали работники милиции Комович, Федоров и Буй (т. 1 л. д. 4). Лахмутов, Комович и Буй, будучи допрошены судом в качестве свидетелей, подтвердили уверенную работу служебно-розыскной собаки по следу. Проводник собаки Лахмутов также показал в суде, что след, взятый собакой с места преступления представлял из себя след человека в валенках и он, будучи хорошо заметен на свежевыпавшем снегу, подвел к самому крыльцу дома Аверьянова.

Суд ставит под сомнение доказательственное значение поведения собаки-ищейки. Однако статья 69 УПК РСФСР признает доказательствами любые фактические данные, на основе которых органы дознания, следователь и суд в определенном законом порядке устанавливают виновность лица и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются протоколами и иными документами. Следовательно, акт применения служебно-розыскной собаки в общей цепи с другими доказательствами по делу, может рассматриваться как имеющий значение для правильного разрешения дела». (Нетрудно заметить, что в протесте, который мы цитируем, в качестве аргументов, призванных обосновать правильность позиции авторов этого документа, приведены доводы заимствованные из упоминавшихся нами статей А. И. Винберга).

Как же оценил эти доводы Верховный суд РСФСР, рассмотревший дело Аверьянова по указанному протесту прокурора?

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (определение от 12 декабря 1963 года № 75-03-14) эти доводы отвергла как совершенно несостоятельные и оставила оправдательный приговор Верховного Суда Карельской АССР без изменения.

Такую же позицию занимает и Верховный Суд СССР. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор народного суда в отношении осужденного Фадеева, обвинявшегося в убийстве с целью ограбления, указала в своем определении, что «факт привода служебно-розыскной собаки к дому Фадеевых не может служить доказательством против Фадеева»[73].

Таким же образом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР поступила при рассмотрении дела Шидловских Антона и Евгении, которые народным судом были признаны виновными в краже денег из дома своего односельчанина. Основанием для подозрения Шидловских в краже — а в последующем основным доказательством их вины — послужило то, что собака-ищейка привела работника милиции к их дому (в этом, кстати, не было ничего удивительного, так как осужденные в день кражи были во дворе дома потерпевшего, где стригли своих овец). По протесту Прокурора Союза ССР приговор в отношении Шидловских был отменен и дело производством прекращено[74].

Такова точка зрения практики, которую так важно учитывать в процессе любой теоретической дискуссии.

---

73 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 10 декабря 1955 года. См.: Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. Изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 152—154.

74 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 января 1939 года. См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, М., 1948, стр. 90—91.

10. ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ СУДЕБНОЙ ОДОРОЛОГИИ

Совершенно очевидно, что криминалистическая (судебная) одорология как отрасль или раздел криминалистики, как криминалистическая дисциплина может получить право на существование только тогда, когда будут разработаны инструментальные методы исследования запаховых микроследов на идентичность — методы научные, позволяющие производить количественный и качественный анализы соответствующих объектов и получать достаточно объективные результаты, могущие фигурировать в уголовном процессе в качестве заключения криминалистической (одорографической) экспертизы. Пока же этого нет, пока в качестве «медиума» выступает собака, — криминалистической (судебной) одорологии нет, есть поиски в этом направлении, эксперименты...[75].

Значительные успехи на пути моделирования обонятельного анализатора были достигнуты в начале шестидесятых годов нашего столетия: создание Древниксом прибора, предназначенного для объективного измерения интенсивности за-

---

[75] Соответствующие экспериментальные исследования и разработки ведутся и на путях совершенствования приемов использования чутья собаки-ищейки. Предлагается, в частности, для «выборки» применять специально подготовленные (стирильно обработанные) палочки или иные предметы на которые в качестве образца взяты «чистые» пробы запаха проверяемого лица. (См.: О. Гвахария. Криминалистическая одорология и теория информации. В сб. Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9, Киев, 1972). Поиски в этом направлении, безусловно, необходимы и полезны. Мы не останавливаемся на этом подробно, так как совершенствование приемов использования собаки-ищейки в ее «процессуальном статусе» ничего не меняет и изменить не может... Применение ищейки всегда останется средством оперативно-розыскной работы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

паха с учетом изменения контактного потенциала под воздействием пахучих веществ; конструкция Манкрифа, позволяющая измерить и классифицировать запахи на основании использования теплоты адсорбции; «электрический нос», созданный Розано и Спенсом, в котором пахучее вещество изменяет величину электрического тока, адсорбируясь и окисляясь в специальной электролитической ячейке на границе раздела жидкость—газ, и таким образом «опознает» определенные запахи; исследование запахов, выделяемых человеком, с помощью методов газо-жидкостной хромотографии и масс-спектроскопии, позволяющих получить графическое изображение запахов — хромотограммы, «олфектронические сигнатуры»—и использовать их для сравнительного анализа запахов (работы Древникса — за рубежом; работы Ю. В. Пеляева и Г. Д. Танцырева — в нашей стране).

Древникс, Манкриф, Розано и Спенс считают, что принципиальные возможности их приборов неограничены и они могут найти самое широкое применение в самых различных сферах (химическая и пищевая промышленность, медицина и т. д.). Не оставили без внимания эти исследования военные ведомства Пентагона. В печати имеются сообщения, что ведутся изыскания по созданию электронных приборов для атомных подводных лодок, автоматически реагирующие на появление в воздухе вредных для организма примесей. В основе этих приборов используются схемы, созданные с учетом принципов «работы» обонятельного эпителия животных. Исследователи Иллинойского технологического института (США) полагают, что по запахам человека можно с определенной степенью точности высказываться о его возрасте, поле, диете, здоровье и общем районе жительства. Более того, Древникс утверждает, что запаховые следы можно классифицировать, регистрировать и использовать для последующей идентификации.

Разумеется, к сообщениям указанного рода следует относиться критически, поскольку хорошо известно, что стремление к рекламе, конкуренция и другие подобные атрибуты буржуазного «свободного» мира нередко способны до неузнаваемости исказить фактическую сторону дела и реально достигнутые успехи в разработке того или иного вопроса.

Бесспорно, однако, следующее. Органы чувств живых организмов, служащие для восприятия информации из окружающей среды, обладают рядом достоинств, в том числе высокой чувствительностью, нередко превосходящей соответст-

вующие характеристики технических средств. Во почему ученые самых различных специальностей все чаще обращаются к сведениям о процессе сбора и переработки информации в живых организмах, используя эти сведения для создания технически совершенных приборов. Обонятельный анализатор животных, в том числе обоняние собаки, не составляет в этом отношении исключения. И тем не менее, ни в одной лаборатории в настоящее время еще не создано надежных приборов, с помощью которых можно было бы производить количественный и качественный анализ запаха. Но ясно и другое. Задача полного выяснения природы запаха и биофизических процессов, связанных с его восприятием, а также создание приборов, позволяющих производить объективный анализ запаха, вполне разрешима. Вот тогда-то и можно будет говорить о создании криминалистической (судебной) одорологии, как раздела криминалистической техники.

Создание криминалистической (судебной) одорологии, надо полагать, значительно расширит возможности следователей при расследовании различных видов преступлений. При осмотре места происшествия они смогут в необходимых случаях отбирать образцы воздуха с молекулами запаха и направлять их на одорографическую экспертизу, чтобы получить научно-обоснованную характеристику этого запаха. Появится возможность сравнительного исследования запахов. Не исключено, что такие экспертные исследования будут заканчиваться не только заключениями относительно однородности сравниваемых запахов, но и установлением тождества искомого объекта — запахоносителя (установление единого источника происхождения исследуемых запахов).

Характерно, что в указанной перспективе решение процессуальных вопросов, возникающих в связи с применением методов криминалистической одорологии, вряд ли будет связано с какими-либо особенностями принципиального характера. Это можно утверждать, поскольку отбор, консервирование, хранение, экспертное исследование запаха, оценка заключения одорографической экспертизы в процессе доказывания и другие действия, которые будут связаны с использованием «запаховой информации», легко «вписываются» в действующие нормы уголовно-процессуального законодательства, хотя, разумеется, криминалистам и придется разрешить немало вопросов в основном практического, прикладного характера.

Предусмотреть весь комплекс таких вопросов вряд ли возможно. Однако с достаточным к тому основанием следует считать, что широкое использование в следственной и судебной практике запаховых микроследов не придет путем легким, триумфальным. Бесспорно проявят себя и определенные негативные стороны этого процесса. Можно, например, ожидать, что значительные трудности возникнут в связи с необходимостью разоблачения различного рода инсценировок, связанных с использованием преступниками запаховых микроследов... К преодолению такого рода трудностей нужно себя готовить.

БИБЛИОГРАФИЯ

Энгельс Ф. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.

Адабашев И. Мировые загадки сегодня. Изд-во политической литературы, М., 1969.

Александров. Собаки-ищейки «Рабоче-крестьянская милиция», 1922, № 1.

Алексеев А. К истории полицейской собаки. «Вестник полиции», 1909.

Алишунаст-Левина Н. Г., Шиканов В. И. Об использовании собак-ищеек в следственной работе. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, Иркутск, 1970.

Арсеньев В. Д. Криминалистическая одорология и доказательственное право. В кн. Сибирские юридические записки, Иркутск—Омск, 1971.

Безруков В. В., Майоров М. Г. Применение методов одорологии в службе собак, «Пограничник», 1965, № 4.

Безруков В., Винберг А., Майоров М., Тодоров Р. Новое в криминалистике, «Социалистическая законность», 1965, № 10.

Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. Изд-во «Юридическая литература», М., 1969.

Богомолова Е. М. Моделирование органов чувств. В кн. Бионика вчера и сегодня. Обзор зарубежной печати. Изд-во «Знание», М., 1969.

В. Л. Полицейские собаки в Генте, «Вестник полиции», 1908.

В. Л. О сыскной работе полицейских собак, «Вестник полиции», 1909.

Валес. Роль собаки-ищейки в уголовном процессе, «Рабоче-крестьянская милиция», 1923, 12; 1924, № 10.

Валес. Собаки-ищейки, «Суд идет», 1924, № 4.

Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. Госюриздат, М., 1957.

Васильев А. Н. Советская криминалистика. Изд-во «Знание», М., 1970.

Васильев А. Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики. В кн. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 15, М., 1972.

Винберг А. И. Криминалистическая одорология. В кн. Криминалистика на службе следствия, Вильнюс, 1967.

Винберг А. И. Вопросы криминалистической техники в свете ленинских идей о научно-техническом прогрессе. В кн. Криминалистика и судебная экспертиза, выпуск 6, Киев, 1969.

Винберг А. Криминалистическая одорология, «Социалистическая законность», № 11, 1971.

Галкин Б. Н. Советский уголовно-процессуальный закон. Изд-во юридической литературы, М., 1962.

Гвахария О. Г. Криминалистическая одорология и теория информации. В сб. Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9, Киев, 1972.

Гержманек, Иозеф. Осмотр места происшествия и криминалистическая одорология, «Криминалистический сборник», Прага, 1970.

Гросс, Ганс. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции и др. Перевод с немецкого, Смоленск, 1895.

Гусев С. Обеспечить неотвратимость наказания, «Социалистическая законность», 1970, № 5.

Гусев С. И. Криминалистическая одорология на службе следствия. Следственная практика, вып. 91, М., 1971.

Детекторы запаха, «Наука и жизнь», 1967, № 9.

Древникс А. Ольфатроника на службе криминалистики, «Проблемы криминалистики», (ПНР), 1968, № 73.

Дрессировка собаки на человеческий след. «Вестник полиции», 1909.

Елизаров Ю. А., Трофимчик Э. Н. О возможности использования достижений бионики в борьбе с преступностью. Тезисы к теоретическому семинару, Высшая школа МВД СССР, М., 1968.

Жерарден, Люсьен. Бионика. Изд-во «Мир», М., 1971.

Запахи как информация. Реферат Г. Веникова по работе P. H. Wrigt. Smels as Information, «New Scientist», 1964, 23, № 409, 706—709. Экспресс-информация. Техническая кибернетика. Бионика. Реферат 9, 62—509, М., 1965.

Захариас А. Редакционное примечание к переводу статьи А. Древникса «Ольфатроника на службе криминалистики», «Проблемы криминалистики», (ПНР), 1968, № 73.

Кежоян А. Х. Вещественные доказательства по делам об убийствах. Автореферат канд. дисс. М., 1971.

Китаев. О работе служебно-розыскных собак, «Административный вестник», 1927, № 9.

Коврыга З. Ф. Дознание в органах милиции. Изд-во Воронежского университета, Воронеж, 1964.

Колмаков В. П. Следственный осмотр, «Юридическая литература», М., 1969.

Колосов Л. Преступление в Марсале, «Человек и закон», 1972, № 3.

А. Н. Копьева, В. С. Абраменкова, Е. Д. Горобец. О доказательственном значении запаховых микроследов. Межвузовский тематический сборник «Проблемы советского государства и права», № 7, Иркутск, 1974.

Кренев С. К вопросу об использовании собаки на службе милиции, «Административный вестник», 1925, № 2.

Кренев С. Почему собака идет по следу, «Административный вестник», 1925, № 8.

Кренев С. Что нужно знать о характере собак, «Административный вестник», 1925, № 6.

Кренев С. Нужна ли работа служебно-розысных собак, «Административный вестник», 1928, № 4.

Кренев С. Работа собак-ищеек. (Из деятельности Ленинградского губугрозыска), «Рабоче-крестьянская милиция», 1924, № 9.

Криминалистическая одорология (обзор откликов), «Социалистическая законность» 1972, № 4.
Крушинский Л. и др. Служебная собака, М., 1952.
Крылов И. Краткий обзор деятельности питомника ОУР, «Административный вестник», 1927, № 3.
Крылов И. Ф. Следы на месте преступления. Изд-во Ленинградского университета, Л., 1961.
Крылов И. Ф. Несколько замечаний по поводу протокола осмотра места происшествия. В кн. Криминалистика на службе следствия, Вильнюс, 1967.
Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. Изд-во Московского университета, М., 1972.
Ларин А. М. Работа следователя с доказательствами. Изд-во «Юридическая литература», М., 1966.
Ларин А. М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. Изд-во «Юридическая литература», М., 1970.
Лебедев А. Полицейские собаки, «Вестник полиции», 1907.
Лебедев А. К истории полицейской собаки, «Вестник полиции», 1909.
Линдмяэ Х. Одорология — учение о запахах, «Советское право». Бюллетень юридической комиссии при Совете Министров Эстонской ССР, 1970, № 4.
Литинецкий И. Б. Беседы о бионике, М., 1968.
Литинецкий, Изот. На пороге забытого мира. «Вокруг света», 1971, № 12.
Мазитова Р., Охотская В., Пучкин Б. Обоняние и его моделирование. Изд-во «Наука» Новосибирск, 1965.
Малаховская Н. Криминалистическая одорология эффективна в борьбе с преступностью, «Социалистическая законность», 1972, № 3.
Мигунов Р. Ш. Раскрыть убийство шофера помог коллектив таксомоторного парка. Следственная практика, вып. 62, М., 1963.
Милн Л. Дж. и Милн М. Чувства животных и человека. Изд-во «Мир», М., 1966.
Миньковский Г., Эйсман А. Спорное и бесспорное в теории доказательств, «Социалистическая законность», 1971, № 11.
Могендович М. Р., Темкин И. Б. Анализаторы и внутренние органы. Изд-во «Высшая школа», М., 1971.
Новая наука — ольфатроника, «Наука и жизнь», 1966, № 5.
П. Л. Полицейские собаки в России, «Вестник полиции», 1914.
Петров Р. О полицейских собаках, «Вестник полиции», 1908.
Петров Р. Полицейские собаки, «Вестник полиции», 1907, 1908.
Петрухин И. Л. Технический прогресс — на службу правосудию. В кн. Вопросы судебной экспертизы, № 5, Баку, 1967.
Попов В. И. Осмотр места происшествия. Госюриздат, М., 1959.
Прохоров А. И. Что такое бионика? М., 1966.
Райт Р. Х. Наука о запахах. Изд-во «Мир», М., 1966.
Ремберт, Чарльз. Электронный нос, «Наука и жизнь», 1962, № 8.
Рябов Э. В. Значение предварительного исследования доказательств при осмотре места происшествия для выдвижения следственных версий и проведения оперативно-розыскных мероприятий. В кн. Вопросы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Изд-во Казанского университета, Казань, 1969.

Самойлов Г. А. Следы запаха: закономерности возникновения и их информационно-криминалистическое значение. В кн. Вопросы судебной экспертизы, № 12, Баку, 1971.

Селиванов Н. Современные возможности исследования вещественных доказательств, «Социалистическая законность», 1972, № 3.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. Изд-во «Наука», М., 1968.

Строгович М. С. О криминалистической одорологии. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, Иркутск, 1970.

Строгович М. С. Процессуальные гарантии в судебном разбирательстве по уголовным делам, их реализация и дальнейшее расширение. В кн. Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на конференции 30 ноября 1971 г., М., 1971.

Строгович М. С. Выступление на научно-практической конференции. В кн. Сборник материалов Всесоюзной научно-практической конференции по вопросам государственного обвинения (апрель 1972 г.) М., 1973.

Строгович М. С. О судебной этике. В кн. Проблемы государства и права на современном этапе, вып. 7, М., 1973.

Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Петроград, 1915.

Толкачевская Н. Ф. Химический состав крови, секретов, экскретов и жидкостей нормального человеческого организма, М., 1940.

Турчин Д. А. О возможности применения методов одорологии в уголовном судопроизводстве. Межвузовский тематический сборник «Проблемы советского государства и права», № 6, Иркутск, 1973.

Ульянова Л. Недостаточность доказательств, «Социалистическая законность», 1970, № 12.

Фабри К. Этология — наука о поведении животных, «Наука и жизнь», 1970, № 2.

Ф. О чутье полицейских собак, «Вестник полиции», 1912, 1913.

Фредерикс Ф. Собака-ищейка. Изд-во НКВД УССР, Харьков, 1924 .

Фролов Ю. А. Загадки обоняния, «Техника молодежи», 1952, № 12.

Фуфыгин Б. Судебная одорология в следственной практике. «Социалистическая законность», 1972, № 3.

Цветков П. П. Об использовании обонятельного анализатора в целях криминалистического отождествления личности, «Правоведение», 1970, № 3.

Чельцов М. А. Уголовный процесс, М., 1948.

Чутье собаки и оценка его, «Вестник полиции», 1908.

Шаповалов С. Собака на службе угрозыска и милиции. «Административный вестник», 1929.

Шаповалов. Состояние дела применения служебно-розыскных собак. «Административный вестник», 1930, № 8—9.

Шаронов С. Ф. Кто убит и кто свершил убийство? Следственная практика, вып. 37, М., 1959.

Шевченко Б. И. Научные основы трасологии. М., 1947.

Шляхов А. Р. Развитие криминалистической экспертизы и повышение ее роли в расследовании и предупреждении преступлений. В кн. Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Тезисы докладов. Свердловск, сентябрь 1970, М., 1970.

Шляхов А. Р. Современные возможности криминалистической экспертизы. «Социалистическая законность», 1973, № 4.

Шиканов В. И. О методах криминалистической одорологии в процессуально-правовом аспекте. В кн. Шестая научно-практическая конференция патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов Карельской АССР. Тезисы докладов, Петрозаводск, 1969.

Шиканов В. И. К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мер и доказывания в советском уголовном процессе. Шестая научно-практическая конференция патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов Карельской АССР. Тезисы докладов, Петрозаводск, 1969.

Шиканов В. И. К вопросу о сущности одорологического эксперимента и его месте в системе криминалистических методов. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, Иркутск, 1970.

Шиканов В. И. О процессуальных условиях использования достижений естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. В кн. Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на конференции 30 ноября 1971 г., М., 1971.

Шиканов В. И. Научно-технический прогресс и некоторые проблемы уголовного судопроизводства. Межвузовский тематический сборник «Проблемы советского государства и права», № 3, Иркутск, 1972.

Шиканов В. И., Копьева А. Н., Абраменкова В. С. Вопросы идентификации объектов по запаху при расследовании преступлений. (Заметки в связи с дискуссией по вопросам судебной одорологии). В кн. Сибирские юридические записки, выпуск 3, Иркутск-Омск, 1973.

Якимов И. Н. Криминалистика, М., 1925.

Amoore J. E. Stereochemical theory of olfaction. Nature, 198, 4877, 1963.

Amoore J. E., Fullman B. Stereochemical theory of olfaction. Nature, 199, 4896, 1963.

Amoore J. E., Johnston J. W., Rubin M. The Stereochemical Theory of Odor, Scientific American, February, 1964.

Beck L. H., Miles W. R. Infrared adsorbtion in field studies of olfaction in honeybees. Proe. ef the National Academy of Sciences, 35, 292, 1949.

Dravnieks, Andrew. Possible mechanisme of olfacttion. Nature, vol 194, 4825, April **21, 1962.**

Dyson G. M. Scientific basis of odour. Chemistry and Industry, 57, 647, 1938.

Johuston I. I. Infrared loss theory of olfaction. Untenable Physiological Zoology, 26, 266, 1953.

Kalmus H. The Discrimination by the Nose ef the Dog of Individual Human Odours and in Particular of the Odours of Twins. Brit. J. Animal Behaviour, 3, 25—31, 1955.

Kalmus H. Physiology and Genetics of Organoleptic Perception, in Molecular Strusture and Organoleptic Quality, S. C. I. Monograph № 1, Society of G. hemical Industry, London, 1957, pp. 13—27.

Most K., Brückner G. H. On Hypotheses and Present

Day Position on the Nasal Function of the Dog. Zentr. Kleintierk. Pelztierk, 12(5), 9—30, 1936.

Neuhaus W. The Odor Thresholgs of Dogs for Fatty Acids. Z. Verql. Physiol., 35, 527—552, 1953.

Neuhaus. W. The Discrination of Odour Ouantities by Men and Dogs in Experiments with Butyric Acid. Z. Vergl., Physiol, 37, 234—252, 1955.

Neuhaus W. The Odour Threshold of Odour — Mixtures for the Dog and Their Relation to the Thresholds for Unmixed Odours. Z. Vergl. Physiol., 38, 238—258, 1956.

Neuhaus W. The Ability of Dogs to Discriminate Mixtures Odours. Z. Vergl. Physiol., 39, 25—43, 1956.

Neuhaus W. The Thresholds of Perception and Recoghition in the Olfaction of the Dog in Comparison with the Olfactory Perception in Man. Z. Verge. Physiol., 39, 624—633, 1957.

Neuhaus W. Differenses in the Acuteness of Olfaction in Dogs. Z. Vergl, Physiol., 65—72, 1957.

Moncrieff R. W. The characterization of odours. The Journal of Physiology, vol. 125, 3, 1954.

Moncrieff R. W. The sorptive properties of the olfactory membrane. The Journal of Physiology, vol. 130, 3, 1955.

Moncriff R. W. An instrument for measuring and classifying odours. Journal of applied physiology vol. 16. 4, July, 1961.

Thompson H. W. Some comments on theories of smell, Molecular structure and organoleptic quality, 1957.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Адаптация — прилаживание, приноровление, приспособление.

Адсорбция — поверхностное поглощение.

Анализаторы — органы, осуществляющие анализ всех раздражений, воспринимаемых организмом человека и высокоорганизованных животных из внешней и внутренней среды. К анализаторам относятся все органы чувств (обоняние, вкус, осязание, зрение, слух), а также специальные воспринимающие аппараты мышц и внутренних органов.

Аттрактант — привлекающий компонент запаха.

Генерировать — производить, возбуждать электрические колебания, электрическое напряжение (электрический ток) и т. д.

Деодоризация — устранение запаха.

Диффузия — медленное проникновение одного вещества (газа, жидкости или твердого тела) в другое при их непосредственном соприкосновении.

Диффундировать — просачиваться, смешиваться путем диффузии; самопризвольно распространяться во все стороны.

Липоиды — сложные жироподобные вещества растительного и животного происхождения, нерастворимые в воде. Наряду с белками — необходимая составная часть живого вещества.

Метаболиты — продукты жизнедеятельности человека, выделяемые с выдыхаемым воздухом, потом, слюной, мочой и т. д.

Пороговая концентрация — минимальная концентрация пахучего вещества, вызывающая обонятельное ощущение.

Рецепторы — нервные образования, способные воспринимать раздражения, воздействующие на живой организм.

Токсический — ядовитый.

Турбулентный — вихревой.

Эпителий — ткань, состоящая из тесно сплоченных клеток, разнообразной, чаще всего более или менее правильной геометрической формы, выстилающая поверхность тела, его полости и трубчатые ходы.

СОДЕРЖАНИЕ

Сдано в набор 22/V-74 г. Подписано к печати 20/VI-74 г.
Формат бумаги 60×84 1/16. Печ. л. 5,25. НЕ 01360. Тираж 1000. Заказ ВК-52.

Иркутская областная типография № 1 Областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11, ф. 2.

